

Классовое действие: тенденции формирования социальных классов в Украине

Аннотация

В статье представлен анализ тенденций формирования в Украине периода независимости социальных классов как субъектов, осознающих свои интересы и умеющих их защищать. К концептуализации механизма формирования классов как социальных акторов привлечены теории социальных классов (К.Маркс, П.Бурдьё), социальных конфликтов (Р.Дарендорф) и социальных движений (О.Рашидт). На материалах статистики, глубинных интервью, данных национальных и международных сравнительных проектов проанализированы динамика забастовочного движения в Украине и влиявшие на нее факторы; изучены субъекты рабочего движения; степень участия представителей социальных классов в профсоюзах и политических партиях, а также уровень их доверия к этим организациям. Сделан вывод, что рабочий класс, первым получивший мобилизационный опыт решения трудовых конфликтов, не был лидером протестного движения в период последних двадцати лет; средний класс и мелкая буржуазия получили схожий опыт защиты своих интересов. Сравнительный анализ показывает, что рабочее движение в Украине и западных странах имело подобные тенденции: оно характеризовалось неравномерностью (подъемы и спады, вплоть до полного затухания в 2000-е годы), мотивированностью преимущественно экономическими лозунгами, переходом от форм прямой мобилизации коллективных действий к институционализированному (профсоюзной и индивидуализированной защите своих интересов). В заключение рассмотрены альтернативные сценарии/перспективы классового действия.

Ключевые слова: *социальный класс, классовое действие, рабочее движение, забастовка, классовые объединения, профсоюзы, политические партии*

В Украине первых двадцати лет ее независимости и возрождения капиталистических отношений параллельно происходили следующие классовооб-

разрушающие процессы: формировались новые классовые позиции, каждой из которых присущ определенный набор сходных социально-экономических характеристик; складывались новые классовые идентичности и классовые представления; оформлялись и осознавались классовые интересы; приобретались навыки групповой самоорганизации и защиты своих интересов. Благодаря исследованиям отечественных и зарубежных социологов мы располагаем вполне надежным эмпирически обоснованным знанием о разных аспектах социальных классов в современной Украине.

Во-первых, достаточно хорошо исследована структура классовых позиций как в динамике последних 20 лет, так и в перспективе сопоставления с развитыми капиталистическими и постсоциалистическими странами [Классовое общество, 2003; Лейн, 2004; Симончук, 2007, 2011]. Среди наиболее очевидных фактов — снижение доли наемных работников и одновременно появление и рост доли работодателей и самозанятых; новая классовая дифференциация среди наемных работников, обусловленная реформированием влияния различных факторов — профессии, уровня квалификации, властных полномочий, отрасли, занятости в частном или государственном секторе экономики. Накоплены данные о процессах, происходивших внутри отдельных классов — рабочем и среднем классе [Симончук, 2003, 2006, 2007], крестьянстве [Ван Атта, 2001], политической элите [Зоткин, 2010]. Констатируется, что подверглись существенной модификации представления о классах как в общественном мнении, так и в научном дискурсе. Общеизвестной стала плюрализация теоретико-методологических подходов к определению социального класса.

Во-вторых, собрано много данных о связи социального класса с политическими и экономическими установками, ценностными ориентациями, жизненными шансами [Куценко, 2006; Макеев, 2007]. Исследователи склоняются к выводу, что влияние класса на эти сферы не слишком велико. Вместе с тем, на мой взгляд, возможности и пределы классового анализа не установлены сколько-нибудь точно, и потому необходим детальный анализ того, насколько социальный класс является предиктором экономических, культурных, политических и иных неравенств в украинском обществе.

В-третьих, предпринята попытка томографии классового сознания [Симончук, 2011]. Выяснилось, что его первый уровень — уровень классовой идентификации — достаточно сформирован, поскольку около двух третей представителей рабочего и среднего классов идентифицируют себя с соответствующими классовыми позициями. Анализ ряда показателей второго уровня классового сознания — осознания людьми противоположности классовых интересов (операционализованных в виде установок относительно социального неравенства) — выявил проблемы адекватного осознания представителями разных классов (доступных для эмпирического исследования) специфичности их классовых интересов. Причем проблема не в рабочем классе — как раз установки его представителей вполне ожидаемы и объяснимы, а именно: крайне высокий уровень восприятия неравенства в доходах, несправедливости заработной платы, необходимости перераспределения доходов, осознания разных видов классового конфликта. Скорее, представители мелкой буржуазии и верхнего среднего класса слабо осознают свои специфические интересы; они вполне разделяют критические установки рабочего класса. Ситуацию классового противостояния, безусловно,

выявил бы анализ установок доминирующих классов (крупных предпринимателей и политической элиты), однако очевидны проблемы доступности их представителей.

Среди названных выше этапов формирования классов вне широкого и детального эмпирического анализа отечественных социологов остался вопрос о классовом действии — о том, насколько классам в Украине удалось стать социальными субъектами; в каких формах они защищали свои интересы и каково современное положение дел. Это и составляет исследовательский вопрос данной статьи.

Механизм формирования классов: теоретические импликации

В объяснении механизма формирования классов как социальных акторов полезны различные теоретические подходы. Среди **классовых теорий** неоспоримой первоосновой в этом вопросе являются идеи марксизма. Как известно, категория класса для Карла Маркса и Фридриха Энгельса и их последователей имеет два основных значения: во-первых, это средство описания экономических позиций различных социальных групп, и во-вторых, классы рассматриваются как реальные общности и реальные социальные силы, способные изменять общество [Маркс, 1955]. Важнейшие характеристики класса — способность его представителей осознавать свои специфические классовые интересы и защищать их — возникают на высшем этапе описанного Марксом пути формирования класса. Механизм обретения “классом в себе” статуса “класса для себя” видится в реализации двух основных моментов. Во-первых, в выработке его представителями собственной идеологии — совокупности ценностей, установок и надежд, отвечающих их интересам и жизненным условиям и убедительно объясняющих как существующий социальный порядок, так и тот, который признают оптимальным (причем на практике эти представления могут быть близкими к объективным интересам или ложными). Во-вторых, в формировании политической партии или другой централизованной и дисциплинированной организации, которая продвигает классовую идеологию и реализует интересы группы. Таким образом, потенциальный класс (“класс в себе”), осознавший общность своих интересов (основанных на его классовом положении и находящихся в противоречии с интересами других классов) и организационно оформившийся, превращается в действительный класс (“класс для себя”), являющийся субъектом общественного процесса.

Близкое понимание механизма формирования классов у Пьера Бурдьё [Бурдьё, 1993]. Вслед за Марксом и Энгельсом выделение классов он начинает с определения групп, имеющих сходное положение в социальном пространстве. Такие группы, в первую очередь являющиеся плодом интеллектуальной работы исследователя, Бурдьё называет “классами на бумаге” (или рядом синонимов: “теоретический”, “возможный”, “сконструированный” класс). Это — группы, имеющие наибольшие шансы при определенных условиях стать классами в собственном смысле слова, то есть реальными субъектами общественно-исторического процесса. Таким образом, *первым условием* существования класса является общность социальной позиции членов класса, “которые, будучи размещены в сходных условиях и подчинены сходным обусловленностям, имеют все шансы для обладания сходными диспозициями и

интересами и, следовательно, для выработки сходной практики и занятия сходных позиций”. *Вторым условием* класса, по Бурдьё, является наличие у данной группы общего габитуса (матрицы восприятий и классифицирующих практик), являющегося важнейшим опосредующим элементом в формировании любой коллективной идентификации¹. Габитус (“инкорпорированный класс”) оказывает воздействие на политические мнения и поведение данных классов, на образующиеся в рамках этих классов стили жизни и способности потребления. *Третье условие*, при соблюдении которого класс становится реальной действующей силой (“мобилизованным”, “реальным” классом, готовым к борьбе), — это осознание членами класса своей общности как группы, имеющей собственные интересы (отличные от других) и готовой их защищать. Затем класс должен сформировать группу своих представителей (партию или подобную организацию), исключительной целью которой является защита классовых интересов. Именно политическая организация делает класс “видимым”, выделенным и различимым субъектом политической борьбы, ибо говорит и действует она от имени класса. Партия должна сформулировать идеологию класса, то есть представить такое видение социального мира, в котором за классом было бы закреплено место в социальной структуре и подчеркнута значимость его интересов. Классовую же борьбу Бурдьё рассматривает не только как борьбу двух классов в процессе распределения прибавочной стоимости (как в модели Маркса), а как разные формы конфликтов во всех социальных полях — экономическом, политическом, культурном (в системе образования, практике досуга, стратегиях развлечения, в одежде, еде), где доминирующие классы осуществляют разные типы символической власти, стремясь завоевать легитимность.

Помимо классовых теорий концептуальными основами для анализа механизма формирования мобилизованных классов служат также **теории социальных конфликтов** [Lenski, 1966; Дарендорф, 1994; Коллинз, 2006]. В частности, Ральф Дарендорф механизм образования конфликтных групп (в нашем случае социальных классов) видит как путь от устойчивого состояния социальной структуры к развертывающимся социальным конфликтам, аналитически проходящий в три этапа [Дарендорф, 1994]. На *первом этапе* выделяют “две стороны” конфликта, “два агрегата социальных позиций”, которые являются пока “квазигруппами”, “предполагаемыми” общностями, где соответствующим социальным позициям предписывают определенные латентные интересы, которые не обязательно являются осознанными и признаваемыми представителями этих позиций. *Второй этап* развития конфликта состоит в кристаллизации, то есть осознании латентных интересов, организации квазигрупп в фактические группировки. В случае классового конфликта речь идет об организации политической партии или профсоюза. Конфликты всегда стремятся к кристаллизации, но для того, чтобы они проявились, должны быть в наличии определенные “условия организации” — *технические* (личные, идеологические, материальные), *социальные* (систематическое рекрутирование, коммуникация) и *политические* (свобода коалиций). Если отсутствуют все или некоторые из этих условий, конфликты остаются латент-

¹ У Маркса это такие характеристики, как “классовые привычки”, “классовые предрасудки”, “косность”, “консерватизм”, для описания особенностей тех или иных классов.

ными, не переставая существовать. *Третий этап* заключается в разворачивании сформировавшегося конфликта, в реальном столкновении между сторонами, характеризующимися очевидной идентичностью, например между политическими организациями работников и предпринимателей.

Далее Дарендорф определяет две важные переменные социальных конфликтов. Переменная *насильственности* отражает средства, которые выбирают борющиеся стороны, чтобы осуществить свои интересы (вооруженная борьба и революция представляют один полюс, переговоры и дискуссия — другой). Между ними — большое количество более или менее насильственных форм столкновений между группами: забастовка, угроза, ультиматум, др. Переменная *интенсивности* относится к степени участия задействованных в данном конфликте. Чем большее значение придают участники столкновению, чем большую энергию в него вкладывают, тем оно интенсивнее. (Дарендорф обращает внимание на явное снижение интенсивности индустриальных конфликтов в конце XX века.)

Дарендорф описывает три формы регулирования социальных конфликтов как способов уменьшения их насильственности. *Подавление конфликта* называют наиболее неэффективным способом, поскольку по мере усиления попыток подавить конфликт возрастает его потенциальная злокачественность и взрывоопасность. История революций доказывает справедливость этого тезиса. Форма *“отмены” конфликтов* предполагает попытку в корне ликвидировать противоречия путем вмешательства в существующие структуры. Однако эта попытка всегда обманчива: такое регулирование предмета не ликвидирует кроющийся за ним конфликт¹. Дарендорф уверен, что социальные конфликты, то есть систематически вырастающие из социальной системы противоречия, принципиально нельзя “разрешить” в смысле окончательного устранения. *Регулирование конфликтов* — потенциально успешная форма уменьшения насильственности всех видов конфликтов. При этом конфликты не исчезают, “они становятся контролируемыми, и их творческая сила ставится на службу постепенному развитию социальных структур”. Успешное регулирование конфликтов предполагает ряд условий.

1. Конфликты и отдельные противоречия признаются всеми участниками как неизбежные, оправданные и целесообразные. **2.** Любое вмешательство в конфликты ограничивается регулированием их проявлений, отказываясь от попыток устранения их причин. **3.** Конфликты обязательно канализируются через организации конфликтных групп. При наличии всех этих предпосылок следующий шаг заключается в принятии участниками определенных “правил игры” (конституции, типовые соглашения, уставы и др.), которые эффективны только в случае, если они не отдают предпочтения одному из участников в ущерб другому, ограничиваются формальными аспектами конфликта и предполагают обязательное канализирование всех противоречий.

В объяснение классового действия и формирования класса как актора свой вклад вносят также **теории социальных движений** [Smelser, 1963; Tilly, 1978; Rammstedt, 1979; Tarrow, 1994; Social Movements, 2002; Олсон, 2004;

¹ Исторический пример: в советское время действовал запрет на забастовки, что не позволяло работникам открыто отстаивать свои интересы. Однако это не отменяло трудовые конфликты — они оставались неявными, латентными, “кухонными”. При появлении политических послаблений конфликты манифестировались в волне забастовок.

Fantasia, 2008]. В частности, теория Отхайна Рамштедта описывает идеальную-типичную модель развития социального (в частности, рабочего) движения, которая предоставляет полезные идеи и методы для изучения механизма формирования классов для себя, причин мобилизации и демобилизации коллективного действия [Rammstedt, 1979; Ионин, 1997; Симончук, 2004]. Этот механизм можно представить как последовательность следующих фаз: 1) кризис наличной системы институциональных практик и появление разрозненных инновационных практик нелегитимного характера; 2) становление консенсуса среди людей, затронутых кризисом и заинтересованных в изменении социального порядка, поляризация “социальных активистов” и властей, формирование коллективной идентичности участников движения; 3) артикуляция проблемы и выработка аргументации протеста, отрицающей существующий порядок; 4) формирование движения, его локализация в географическом и социальном пространстве; 5) артикуляция идеологии, формулирование программы действия, игнорирование старых институциональных норм и следование новым; 6) разрастание движения вширь и локализация противника, активная пропаганда идей, расширение числа сторонников; 7) появление организации; 8) институционализация или революция как итог движения и достижения поставленных целей, преобразование социального порядка.

Ряд исследователей видит определенные трудности в анализе рабочего движения как социального движения, связанные с преимущественно институционализированным характером его протекания в современном обществе [Fantasia, 2001, 2008; Nieuwbeerta, 2001]. Ведь роль составляющих рабочее движение организаций (профсоюзов и политических партий) не ограничивается мобилизацией работников для участия в протестном коллективном действии. Функции профсоюзов состоят главным образом в заключении коллективных договоров и ведении переговоров с работодателями, то есть в институционализированном участии в регулировании экономической деятельности и стабилизации производственных отношений, что приводит в итоге к бюрократическому регулированию коллективного действия и ослаблению классового противостояния. Таким образом, значительная часть современного рабочего движения реализуется в институционализированных формах.

Современные теоретики социальных движений акцентируют также внимание на недооцениваемом ранее методологическом подходе, согласно которому *нельзя полностью постигнуть логику мобилизации общественного движения, одновременно не рассматривая ее относительно сил антимобилизации* [Meyer, 1996; Fantasia, 2008]. В таком случае, чтобы понять динамику рабочего/профсоюзного движения, необходимо анализировать его не само по себе, а в соотношении с деятельностью организаций работодателей как “встречных движений” (“counter movements”) [Griffin, 1986]. Организации работодателей заинтересованы в снижении или даже нейтрализации способности работников к мобилизации; в противодействии деятельности как местных профсоюзов, так и рабочего движения в целом, стремясь в идеале создать “окружающую среду без профсоюзов” (“union-free environment”). Встречные движения работодателей в одних случаях являются видимыми и прямыми (когда к рабочим движениям применяют репрессии — подавление забастовок, убийства, запугивание и подкуп профсоюзных лидеров и акти-

вистов), в других случаях — неявными и замаскированными (когда работодатели реализуют свои интересы через государственные структуры, стремясь законодательно ослабить влияние профсоюзов и ограничить инструменты их действия) [Krupat, 1997]. С конца XX века профсоюзы большинства западных стран вынуждены работать в рамках строгих бюрократических ограничений, тем не менее, мобилизация прямого коллективного действия все еще остается важным инструментом деятельности профсоюза.

В противоположность такому подходу Майкл Буравой считает, что при изучении класса как актора слишком много внимания уделяют “царству надстроек — образованию, политическим партиям, идеологии и государству”, хотя они “больше не существуют как противодействие политическим вызовам” [Буравой, 2009: с. 29]. На его взгляд, царство производства (главный “плавильный тигель классового образования”) имеет собственные надстройки, или политические и идеологические аппараты производства, названные им “режимом производства”. Это понятие дает Буравому концептуальную рамку для изучения конкурирующих противоборств и идентичностей, возникающих вокруг работы. Разные режимы производства (деспотический и гегемонистский, а также их вариации — бюрократический, колониальный и гегемонистский деспотизм) имеют различные последствия для классовой борьбы. Если деспотический режим подталкивал к классовой мобилизации, то гегемонистский (порожденный ростом государственного вмешательства в регулирование трудовых отношений и обеспечение благосостояния) опирался на согласие и координацию интересов работников с менеджментом. Однако в последние десятилетия сформировался так называемый гегемонистский деспотизм: рабочие все еще защищены от произвольных увольнений, но они теряют работу из-за частных остановок производства; они могут бастовать, но их состав постоянно меняется. “Гегемония функционирует теперь в обратном направлении: уже не капитал идет на уступки труду, а труд идет на уступки капиталу, чтобы удержаться на своих рабочих местах. Экономическое принуждение рабочих к сотрудничеству и согласию ведет к угасанию забастовок и уменьшению численного состава профсоюзов” [Буравой, 2009: с. 37].

Итак, в представлениях названных выше теоретиков *механизм формирования классов как социальных акторов* в главных чертах подобен. Он предусматривает ряд последовательных этапов: наличие совокупности классовых позиций, характеризующихся сходством латентных интересов; осознание их представителями своих интересов, выработка особой идеологии и формирование групповой идентичности; создание политической организации и защита своих интересов в конкретных мобилизационных или институционализированных практиках.

Еще один вопрос требует теоретической импликации — о *субъектах современного классового конфликта*. Когда говорят о классовом конфликте и классовой борьбе в современном капиталистическом обществе, одна из сторон конфликта для всех очевидна — это политические элиты, высшие государственные чиновники, крупные предприниматели и менеджеры — группы, имеющие в своем распоряжении значительные экономические и политические ресурсы; устанавливающие правила игры для общества, поскольку обладают разнообразными рычагами для превращения своей идеологии в идеологию государства; осуществляющие в своих интересах различные дис-

циплинарные практики через средства массовой информации, систему образования, армию, полицию, тюрьмы. Вторая же сторона классового конфликта в конце XIX и на протяжении почти всего XX века всем (теоретикам, политикам, обывателям) виделась прежде всего в рабочем классе — наиболее многочисленной социально-профессиональной группе занятого населения, в тот период организованной главным образом по фабрично-заводскому принципу, компактно проживавшей и имевшей сходные жизненные шансы, объем экономических и материальных ресурсов. С этим классом связывали социальную утопию, мечту о справедливом обществе всеобщего равенства и братства. Ему приписывали прогрессивную идеологию, групповую солидарность, эффективную политическую организацию и способность к активной защите своих прав.

Считалось, что классовую борьбу в этот период вызывал и направлял так называемый “рабочий вопрос” (или “социальный вопрос”), важнейшие элементы которого — проблема материального благосостояния, экономического положения рабочих и проблема уровня материального благосостояния рабочих по сравнению с другими слоями населения [Воейков, 2004: с. 29]. Показателем состояния в обществе “рабочего вопроса” (возникновение которого связывают с началом индустриализации в Западной Европе в середине XIX века) служило состояние рабочего движения. Рабочий вопрос существует, если рабочее движение протекает активно; он отсутствует или угасает, если отсутствует или вяло протекает движение. В начале XX века экономические аспекты этого вопроса стояли остро (большая часть рабочих была бедной), поэтому рабочее движение было интенсивным. Именно под лозунгом разрешения рабочего вопроса была проведена революция в Российской империи.

Начиная с конца XX века социологи (даже марксистски ориентированные) сходятся во мнениях, что рабочего класса в качестве социального актора не существует ни в западных, ни в постсоветских странах [Gorz, 1982; Бек, 2000; Бауман, 2002; Заславская, 2001; Воейков, 2004: с. 25; Темницкий, 2004: с. 36–37]. В дискуссии о судьбе современного рабочего класса приводят разные аргументы, например, существенное снижение численности индустриальных рабочих; снятие с современной повестки дня “рабочего вопроса”, поскольку жилищные, материальные, культурные ресурсы разных социальных групп стали сравнимыми и разница в уровне жизни потеряла остроту (конечно, до определенной степени). Основной же аргумент в отказе рабочим называться классом видят в отсутствии особой идеологии, влиятельной и эффективной политической организации, конкретных коллективных форм защиты своих интересов (показателями чего выступают снижение членства в профсоюзах и партиях и степени доверия к ним, падение уровня забастовочного движения, отсутствие солидарности разных профессиональных групп рабочих), то есть в отсутствии амбиций быть субъектом общественного процесса. В последние десятилетия фиксируют, скорее, противоположную тенденцию — возрастающую индивидуализацию (например, решение трудовых споров с работодателями через суды, создание узкокорпоративных профсоюзов, подписание индивидуальных контрактов).

Если не в рабочем классе, то в ком (хотя бы потенциально) видят в начале XXI века вторую сторону современного классового конфликта и субъекта социальных изменений? Многие западные социологи эту роль отводят новым средним классам (высококвалифицированным экспертам, менедже-

рам и администраторам) — группам политически влиятельным, обладающим значительными властными и профессионально-квалификационными ресурсами, эффективными политическими организациями; умеющим адекватно выразить и защитить свои интересы. Например, Эрик Олин Райт, переосмысливая роль среднего класса, приходит к отказу от классического марксистского тезиса, что в капиталистическом обществе пролетариат выступает основным классом, противостоящим капиталистам, а социализм является единственным возможным будущим для капитализма [Wright, 1994: р. 153]. Новый анализ показывает, что есть другие классовые силы в рамках капитализма, которые потенциально способны быть “предъявителями” исторической альтернативы капитализму. Причем это не подразумевает, что государственные бюрократы, менеджеры и эксперты неизбежно станут будущим правящим классом современного капитализма, а только свидетельствует, что процесс классового формирования и классовой борьбы значительно сложнее, чем допускала традиционная марксистская теория. Таким образом, идентификация социальных классов, являющихся в изучаемый период реальными субъектами классового конфликта и социальных изменений, составляет актуальную задачу.

Задачи исследования и его эмпирическая база

Цель исследования, результаты которого представлены в данной статье, я видела в проверке двух гипотез. Первая — о постепенном формировании в Украине “классов для себя”, состоящих из социальных групп, обладающих классовым сознанием и готовых вести борьбу в защиту своих интересов. Вторая гипотеза — рабочий класс не является безусловным лидером этого процесса. Для проверки этих гипотез необходим эмпирический анализ, во-первых, уровня и характера забастовочной активности (рабочего движения) разных групп наемных работников и мелкой буржуазии; во-вторых, субъектов рабочего движения в его организационных формах; в-третьих, степени участия представителей разных социальных классов в профсоюзах и политических партиях, а также уровня их доверия к этим организациям. Эффективным представляется исследовать эти аспекты как во временной перспективе (последние двадцать лет), так и в сравнительной (в сопоставлении с развитыми западными и постсоциалистическими странами).

В качестве эмпирической основы для реализации поставленных задач привлечена широкая база данных: 1) Госкомстата Украины и Международной организации труда с 1989 по 2009 год; 2) глубинных интервью с представителями среднего и рабочего классов, проведенных автором статьи в 2002–2010 годах (80 интервью); 3) мониторинга Института социологии НАН Украины (1994–2010); 4) двух международных проектов — Европейского социального исследования (European Social Survey — ESS) 2008 года и Программы международного социального исследования (International Social Survey Programme — ISSP) 2009 года.

Объективные классовые позиции в проектах ESS и ISSP идентифицированы согласно классовой типологии Джона Голдторпа. Для построения EGP-классов в ESS использован синтаксис Гарри Ганзебума (Ganzeboom) 2001 года, конструирующий 11 классовых категорий. Они были сгруппированы в пять укрупненных классов: служебный (I и II), промежуточный (III

и V), мелкая буржуазия (IVa, IVb и IVc), квалифицированные рабочие (VI) и неквалифицированные (VIIa и VIIb).

В данных мониторинга Института социологии НАНУ на основе вопроса о роде занятий, содержащем шкалу ответов из 21 категории, были идентифицированы такие классовые категории: *средний класс* (профессиональный политик, руководитель госаппарата; руководитель предприятия; служащий госаппарата; специалист технического профиля и специалист в области науки, культуры, охраны здоровья, образования с высшим или средним специальным образованием; служащий из числа вспомогательного состава), *мелкая буржуазия* (предприниматель в крупном и среднем бизнесе; занятый мелким бизнесом; фермер), *рабочий класс* (квалифицированный рабочий; разнорабочий; рабочий сельхозпредприятия), *неработающие* (студент; неработающий пенсионер; домохозяйка; не имеющий постоянного места работы; не работающий и не имеющий никаких источников дохода; зарегистрированный безработный).

История и современное состояние рабочего движения

Определение рабочего движения. Среди различных видов социальных движений рабочее движение (labour movement) направлено на защиту рабочих мест, разрешение конфликтов между работодателями и работниками, на преобразование существующей системы распределения экономической власти и ресурсов. Рабочее движение обычно начинается с неофициальных групп интересов, приводя затем к образованию политических партий или других институционализированных групп. Исторически сложилось, что в отечественной социологии под этим термином имеют в виду движение рабочих (прежде всего, индустриальных рабочих, занятых физическим трудом на крупных предприятиях), в западной же социологии контекст его употребления шире — это движение всех наемных работников (термин “labour movement” правильнее бы переводить на русский язык как “трудовое движение”, а не “рабочее”). Именно в этом (более широком) значении термин использован в данной статье.

В рамках проблематики рабочих движений обычно рассматривают: 1) уровень и характер мобилизационной (главным образом, забастовочной) активности и факторы, влияющие на ее динамику; 2) субъектов этого движения (профсоюзы, политические партии, стачкомы) и 3) эффективность их деятельности и уровень доверия к ним со стороны работников. Проанализируем в соответствии с названными выше темами состояние рабочего движения в Украине на протяжении первых 20 лет ее независимости.

История легитимации рабочего движения. Общеизвестно, что во второй половине XX века рабочий класс СССР, в отличие от западного, практически не имел опыта коллективного отстаивания своих прав. При наличии серьезных поводов для трудовых конфликтов (низкая оплата труда, плохие условия труда, дефицит многих материальных благ и т.п.) работники крайне редко предпринимали активные коллективные действия. Небогатая на события история альтернативных профсоюзов и рабочего движения в 1950–1980-е годы изложена в ряде источников [Забастовки, 1975; Рабочее движение, 1995: с. 6–15; Борисов, 2001; Русначенко, 2000; Нариси історії, 2002: с. 562–567] (см. также: Архив самиздата, Мюнхен). Как правило, случаи забастовок и самоорганизации в независимые профсоюзы в советских масс-медиа либо за-

малчивались, либо интерпретировались как диверсии и маргинальные действия, направленные на подрыв советского государства. Людмила Алексеева, опираясь на архивы диссидентов и самиздата, собрала достоверные сведения о 76 забастовках послесталинских десятилетий (наиболее резонансные среди них — жестоко подавленные рабочие выступления в Новочеркасске в 1962-м и волны забастовок в 1976–1978 годах) [Алексеева, 1983]. Довольно детально описав их мотивы, результаты и инициаторов, исследовательница констатировала, что эти забастовки были, главным образом, проявлением “стихийного возмущения отчаявшихся людей”, бунтом, вызванным или невыносимыми условиями жизни, или несправедливыми действиями властей, а не далеко идущими планами социального переустройства¹.

Единственным легитимным механизмом защиты работниками своих прав и интересов в советское время были профсоюзы, хотя их независимость и эффективность в реализации этой задачи многими оспаривается. Эксперты утверждают, что среди функций профсоюзов в советский период ведущей была не защитная, а хозяйственно-административная и воспитательная [Нариси історії, 2002: с. 530; Кабалина, 1998].

В поздний советский период не было легитимной законодательной базы для прямой мобилизации коллективного действия. Если в 1920-х забастовки рабочих были еще вполне легальными практиками, то с конца 1930-х годов декларировалось, что в советском обществе отсутствуют объективные основания для классовых и трудовых конфликтов. Конституция Украины 1978 года не содержала статьи, гарантирующей гражданам право на забастовки. Только в начале 1990-х годов под давлением массовых стихийных выступлений и по инициативе их лидеров в Конституцию был внесен ряд изменений и дополнений, в которых “с целью укрепления и развития конституционного строя гражданам Украины гарантировались свободы: слова, печати, сборов, митингов, уличных шествий и демонстраций” (статья 48) и предоставлялось “право объединяться в политические партии, другие гражданские организации, принимать участие в движениях, содействующих удовлетворению их законных интересов” (статья 49).

В настоящее время в Украине, как и в большинстве экономически развитых западных стран, право на забастовку закреплено юридически/законодательно. Принятая в 1996 году Конституция Украины (статья 44) гарантирует работающим гражданам право на забастовку для защиты своих экономических и социальных интересов. Порядок же осуществления права на забастовку установлен Законом Украины “О порядке разрешения коллективных трудовых споров (конфликтов)” 1998 года. Согласно статье 17 Закона, забастовка трактуется как *временное коллективное добровольное прекращение работы (невыход на работу, неисполнение своих трудовых обязанностей) работниками предприятия, учреждения, организации (структур-*

¹ Общеизвестно, что разрыв между идеологией и реальностью порождал цинизм среди работников; широко распространенными были шутки и анекдоты по поводу социалистической иррациональности. Формализм профсоюзных и партийных собраний, ложный энтузиазм социалистических соревнований вели к отчуждению работников от этих структур. Тем не менее, Майкл Буравой, изучавший социалистический режим производства методом включенного наблюдения, свидетельствовал, что, несмотря на очевидный цинизм, чувство классовой враждебности к красным директорам и управленцам, большинство рабочих сохраняли верность социалистическим идеалам [Буравой, 2009: с. 43].

ного подразделения) с целью решения коллективного трудового конфликта. Согласно этому закону, забастовка может быть начата, если примирительные процедуры не привели к решению коллективного трудового конфликта или если собственник или его представитель уклоняется от примирительных процедур или не выполняет соглашения, достигнутого в ходе разрешения коллективного трудового спора.

Динамика уровня рабочего движения. Панораму забастовочной активности в независимой Украине рассмотрим сначала на основе данных официальной статистики¹. С 1995 года Госкомстат Украины фиксирует данные о забастовочном движении согласно требованиям Международной организации труда, в частности такие рубрики: число предприятий, на которых проходили забастовки (статистика дается без учета малых предприятий), численность их участников (как вовлеченных в забастовки в целом, так и в расчете на одно предприятие), а также количество неотработанных дней в среднем на одного бастующего.

Рис. 1. Динамика забастовочного движения в 1989–2008 годах, %

¹ Международную статистику о динамике забастовок и описание методологии см. на сайте ILO: [<http://laborsta.ilo.org/applv8/data/c9e.html>]. Кстати, мониторингом протестной активности, в частности рабочего движения, кроме Госкомстата Украины в настоящее время занимаются ряд научных и общественных организаций. Среди них: Национальная служба посредничества и примирения [<http://www.nspp.gov.ua/>]; Конфедерация работодателей Украины [<http://www.confedu.org.ua/home.html>]; Федерация профсоюзов Украины [<http://www.fpsu.org.ua/>]; Всеукраинский форум профсоюзов [<http://profsoyuz.com.ua/viewforum.php?f=7>]; Конфедерация свободных профсоюзов Украины [<http://www.kvpu.org.ua/>]; Центр исследования общества [<http://cedos.org.ua/>]. На официальных сайтах этих организаций есть рубрики о забастовках и акциях социального протеста, где представлена содержательная и визуальная информация о проводимых акциях. Богатый архив истории рабочих движений есть в Международном институте социальной истории [International Institute of Social History <http://www.iisg.nl/>], Архиве самиздата (Мюнхен) [<http://samizdat.memo.ru/sdsintro.htm>].

Таблица 1

Забастовочное движение в Украине в 1989–2008 годах*

Годы	Количество предприятий, организаций, на которых проходили забастовки	Численность работников, вовлеченных в забастовки, тыс. чел.	Численность участников забастовки на одно предприятие, чел.	Количество неотработанных дней в среднем на одного бастующего
1989	222	293,1	1320	–
1990	260	130,9	503	–
1991	239	175,9	736	12
1992	2239	181,6	81	–
1993	462	260,4	564	10
1994	1638	126,3	77	3
1995	247	57,6	233	4
1996	1269	171,4	135	13
1997	1162	116,4	100	11
1998	687	98,7	144	13
1999	290	42,0	145	11
2000	73	20,6	282	14
2001	31	6,8	219	5
2002	97	9,3	96	2
2003	15	5,4	360	10
2004	4	1,0	249	8
2005	4	0,6	150	–
2006	13	2,3	177	–
2007	5	0,9	180	–
2008	1	0,4	400	–

* *Источники:* Народне господарство України у 1991 році : Статистичний щорічник. – К., 1992. – С. 105; Народне господарство України у 1992 році : Статистичний щорічник. – К., 1993. – С. 88; Статистичний щорічник України за 1994 рік. – К., 1995. – С. 66; Статистичний щорічник України за 1995 рік. – К., 1996. – С. 90; Статистичний щорічник України за 1997 рік. – К., 1999. – С. 398; Статистичний щорічник України за 1998 рік. – К., 1999. – С. 384; Статистичний щорічник України за 1999 рік. – К., 2000. – С. 404; Статистичний щорічник України за 2000 рік. – К., 2001. – С. 377; Статистичний щорічник України за 2001 рік. – К., 2002. – С. 398; Статистичний щорічник України за 2002 рік. – К., 2003. – С. 448; Статистичний щорічник України за 2003 рік. – К., 2004. – С. 418; Праця України у 2004 році: Статистичний збірник. – К., 2005. – С. 191. Данные с 2005 года см.: [<http://laborsta.ilo.org/STP/guest>].

Анализ данных таблицы 1 и рисунка 1 свидетельствует, что в течение 20 лет (с 1989 по 2008 годы) в независимой Украине забастовка была востребованным средством протеста в отстаивании наемными работниками своих интересов. Однако забастовочное движение в этот период было неравномерным: всплески наблюдались в 1989, 1992 и 1994, 1996 и 1997 годах, а затем его интенсивность значительно снизилась (по количеству и забастовок,

и их участников, и неотработанных дней в среднем на одного бастующего¹), к 2004 году практически сойдя “на нет”. С 2005 года по сегодняшний день (2011 год) статистические сборники Украины уже не содержат данных о забастовочном движении, поскольку забастовки стали единичными (тем не менее, соответствующие данные доступны на сайте МОТ)².

Факторы, влияющие на уровень рабочего движения. Рассмотрим факторы, в наибольшей мере обуславливавшие динамику забастовочного движения в Украине в период 1989–2010 годов.

Во-первых, на колебание уровня протестной активности рабочих и представителей среднего класса безусловно влияют присутствие в Украине значительной резервной армии труда и флуктуации ее уровня. После того, как в начале 1990-х годов многие работники обрели новый социальный статус “безработного”, впервые испытав сопутствующие этому материальные и психологические издержки, уровень безработицы среди экономически активного населения в течение десятилетия рос довольно быстрыми темпами (см. табл. 2-Б). (Оценки размера этой группы значительно отличались в зависимости от методики расчета показателя: Министерство труда Украины, фиксировавшее число официально зарегистрированных в Службе занятости безработных, оценивало этот уровень обычно вдвое-втрое ниже.) Достигнув пика (около 12% занятого населения) в 1999–2000 годах, уровень безработицы постепенно снижался вплоть до 2008 года, отразив затем проблемы занятости, связанные с экономическим кризисом этого года³. На основании данных таблицы 2 (А и Б) очевидна связь уровня забастовочного движения и уровня безработицы: рост безработицы в 1990-х годах сопровождался интенсификацией забастовок, снижение же ее уровня в 2000-х происходило параллельно с угасанием протестной активности.

В то же время мнение многих работников о высоком уровне безработицы в их отрасли являлось для них фактором, сдерживающим их протестную активность, желание отстаивать свои права. Как свидетельствуют данные интервью, взятые автором в 2005 году, рабочие не рисковали проявлять нелояльность к руководству предприятия по ряду причин: 1) они осознавали ситуацию превышения предложения труда над спросом в их городе и отрасли; 2) испытывали перманентную угрозу безработицы⁴; 3) знали об упрощении процедуры увольнения рабочих (особенно на предприятиях, где нет профсоюза); 4) сложили свое мнение о небольшом эффекте известных им забастовок. По свидетельству рабочих, перспектива лишиться работы вы-

¹ Кстати, по международным стандартам показатель продолжительности забастовок (число неотработанных дней в среднем на одного бастующего) больше 10 дней считается “очень большим” (см.: [Кузьмина, 2006]). Очевидно, что самые длительные забастовки были в 1990-х годах.

² О проблемах регистрации трудовых протестов, а также альтернативных методиках и архивах их мониторинга см.: [Протести, 2011; Бизюков, 2011].

³ Кстати, уровень безработицы в Украине в 2009 году (8,8%) подобен среднему показателю по странам Евросоюза (8,9%) (см.: [Економічна активність населення України в 2009 році. – С. 168]).

⁴ Согласно данным ESS 2008 года, 38,7% занятых украинцев считали вероятным в течение 12 месяцев потерять работу.

нуждает к уступкам. Стремясь удержаться на работе, они мирятся с тяжелыми условиями труда, низкой зарплатой и задержкой ее выплаты, воздерживаются от организованной защиты своих прав и т.п. Рабочие боялись потерять рабочее место, которое пусть и не обеспечивало нормальный прожиточный уровень, но предоставляло стабильные выплаты, гарантию занятости и социальные льготы. Ответы респондентов свидетельствовали в поддержку вывода Майкла Буравого, что рабочие сегодня боятся не столько эксплуатации, сколько эксклюзии (возможности оказаться без работы) [Буравой, 2009].

Во-вторых, уровень забастовочного движения тесно связан и с уровнем вынужденной неполной занятости (см. табл. 2-В). В 1997–1999 годы (один из пиков забастовочного движения) до 40% работающих находились в ситуации неполной занятости (из них более 20% находились в административных отпусках и около 18% работали в режиме неполного рабочего дня/недели). Следствием урегулирования в начале 2000-х годов острой проблемы вынужденной неполной занятости (благодаря активизации производства, увеличению самозанятости) стало существенное снижение численности забастовок. Данные статистики после кризиса 2008 года свидетельствуют о новом витке вынужденной неполной занятости.

В-третьих, общеизвестно, что одним из главных лозунгов всех волн протеста была несвоевременность выплат заработной платы. Согласно данным таблицы 2-Г налицо тесная связь динамики количества забастовок и динамики выплат задолженности. Очевидна тенденция постепенного снижения задолженностей после 2000-х годов. Урегулирование выплат заработной платы в этот период в большинстве отраслей экономики повлияло на снижение забастовочной активности. Время от времени забастовки, связанные с выплатами зарплаты, еще вспыхивают, но как массовое явление эта проблема преодолена. Ее решение было и законодательно урегулировано: например, в 2009 году принят Закон Украины “О внесении изменений в Кодекс Украины об административных правонарушениях и в Уголовный Кодекс Украины относительно усиления ответственности за несвоевременную или безосновательную невыплату заработной платы, стипендии, пенсии или других установленных законом выплат”.

В-четвертых, снижение уровня забастовочного движения было обусловлено не только урегулированием проблемы своевременности выплаты заработной платы, но и поступательным (хотя и очень медленным) повышением уровня номинальной и реальной заработной платы (см. табл. 2-Г). Кстати, анализируемый период включает этапы от тотального дефицита продуктов и товаров первой необходимости в 1990-е годы до товарного изобилия и относительного благополучия в 2000-х, когда значительно возросла обеспеченность товарами длительного пользования разных категорий населения (см. табл. 3). Улучшение ситуации связывают как с ростом реальных доходов, так и с массовой выдачей потребительских кредитов (см. табл. 4), что создало у многих людей чувство растущего материального благополучия и ослабило протестные настроения. (Обратим внимание, что в этот период люди не только брали кредиты, но и клали свои сбережения на депозиты.) Опосредованным показателем улучшения ситуации является постепенный рост самооценок населением Украины своего материального положения.

Таблица 2

Динамика факторов, влияющих на забастовочную активность населения Украины (1991–2009)

Годы	А Количество предприятий, организаций, на которых проходили забастовки	Б Безработные*		В Вынужденная неполная занятость**		Г Заработная плата***			
		По методологии МОТ, %	Официально зарегистрированные, %	Находились в административных отпусках, %	Работали в режиме неполного рабочего дня (недели), %	Задолженность по выплатам заработной платы, млн грн****	Номинальная заработная плата, грн	Номинальная заработная плата в % к предыдущему году	Реальная заработная плата в % к предыдущему году
1991	239	—	0,03	—	—	—	—	—	—
1992	2239	—	0,3	—	—	—	—	—	—
1993	485	—	0,3	—	—	—	—	—	—
1994	1638	—	0,4	21,2	6,4	—	—	—	—
1995	247	5,6	0,4	17,7	5,6	—	73	514,2	110,6
1996	1269	7,6	0,5	—	—	—	126	171,4	96,6
1997	1162	8,9	2,7	21,9	16,1	4189	143	113,7	96,6
1998	687	11,3	4,3	22,4	17,5	5166	154	107,2	96,2
1999	290	11,9	5,5	22,0	17,6	6519	178	115,7	91,1
2000	76	11,6	4,8	16,1	13,3	6401	230	129,6	99,1
2001	31	10,9	3,6	7,2	13,3	4928	311	135,2	119,2
2002	97	9,6	3,7	5,1	12,4	2657	376	121,0	118,2
2003	15	9,1	3,5	3,2	11,3	2548	462	122,8	115,2
2004	4	8,6	3,5	2,0	8,8	2232	590	127,5	123,8
2005	4	7,2	3,1	1,8	7,4	1111	806	136,7	120,3
2006	13	6,8	2,7	1,2	5,4	960	1042	129,2	118,3
2007	5	6,4	2,3	1,1	4,4	806	1351	129,7	112,5
2008	1	6,4	3,0	1,6	10,6	669	1806	133,7	106,3
2009	—	8,8	1,9	2,6	19,4	1189	1906	105,5	90,8

* *Источники:* Статистичний щорічник України за 2002 рік. — К., 2003. — С. 610; Праця України у 2001 році. — К., 2002. — С. 46; Статистичний щорічник України за 2009 рік. — С. 374, 545.

** *Источники:* Статистичний щорічник України за 1994 рік. — С. 63; Статистичний щорічник України за 1995 рік. — С. 88; Статистичний щорічник України за 1997 рік. — С. 391; Статистичний щорічник України за 2000 рік. — С. 372; Статистичний щорічник України за 2004 рік. — С. 412; Статистичний щорічник України за 2005 рік. — С. 397; Праця України у 2009. — С. 111.

*** *Источники:* Праця України у 2009. — С. 204.

**** *Источники:* Праця України у 2004. — С. 286; Праця України у 2009. — С. 273.

Таблица 3

Динамика наличия у населения Украины отдельных товаров длительного пользования (1985–2008), шт. в среднем на 100 домохозяйств*

Годы	Автомобиль	Холодильники, морозильники	Стиральные машины	Цветной телевизор	Видеомагнитофоны	Музыкальные центры	Фотоаппараты	Компьютеры	Микроволновые печи	Мобильные телефоны	Самооценка материального уровня жизни семьи, средний балл 10-балльной шкалы**
1985	14	88	65	—	—	—	—	—	—	—	—
2000	17	94	74	69	13	3	22	1	1	—	2,7
2002	16	94	74	74	14	4	25	3	3	—	3,5
2004	16	96	74	83	17	8	30	6	5	15	3,7
2006	17	100	78	96	21	13	35	12	14	81	3,6
2008	20	108	84	107	21	17	38	22	29	149	3,8

* *Источник:* Статистичний щорічник України за 2009 рік. — К., 2010. — С. 425. (Расчеты наличия в домохозяйствах товаров длительного пользования учитывают фактическое наличие этих товаров, независимо от срока эксплуатации, источников поступления, состояния.)

** *Источник:* Данные мониторинга Института социологии НАНУ.

В-пятых, снижение уровня протестной активности с конца 1990-х годов связано и с законодательным урегулированием правил разрешения трудовых споров и созданием общественного института примирения и арбитража. Поскольку этот тезис сложно проверить эмпирически, оправданно ориентироваться на мнение экспертов, которые считают, что принятый в 1998 году Закон Украины “О порядке разрешения коллективных трудовых споров (конфликтов)” и созданная в том же году Национальная служба посредничества и примирения содействовали цивилизованному урегулированию трудовых споров и конфликтов в институционально организованных формах [Нариси історії, 2002: с. 599; Дубровский, 2009]. С этого времени многие спорные вопросы между работниками и работодателями решают на уровне конструктивных переговоров (при посредничестве профсоюзов или инициативных групп), не доводя дело до забастовки. Этот позитивный эффект достигается благодаря появлению эффективных профсоюзов и признанных лидеров, по мере приобретения ими опыта успешного разрешения трудовых конфликтов. По мнению экспертов, это свидетельствует о последовательном движении Украины к реализации концепции социального партнерства (обеспечению баланса интересов работников/профсоюзов, работодателей и государства), которая доказала свою эффективность во многих экономически развитых странах. Правда, возможна и иная интерпретация затухания забастовочной активности — как следствия бюрократических ограничений для мобилизации коллективного действия (закрепленных в названном Законе), которых добились необычайно влиятельные противники наемных работников — организованные работодатели через посредство государственных структур.

Таблица 4

Динамика депозитов домашних хозяйств, привлеченных депозитными корпорациями, и кредитов, предоставленных домашним хозяйствам, по целевой направленности (1992–2010), млн грн*

Годы	Депозиты домашних хозяйств*	Кредиты, предоставленные домашним хозяйствам**	Из них:			
			Потребительские кредиты	На приобретение, строительство и реконструкцию недвижимости	Другие кредиты	Из общей суммы ипотечные кредиты
1992	2,5	45	—	—	—	—
1994	214	—	—	—	—	—
1996	1227	11262	—	—	—	—
1998	3089	16663	—	—	—	—
2000	6780	30138	—	—	—	—
2002	19302	—	—	—	—	—
2004	41611	—	—	—	—	—
2005	74778	35659	—	—	—	—
2006	108860	82010	58453	20412	3145	20523
2007	167239	160386	115032	40778	4577	73084
2008	217860	280490	186088	88352	6050	143416
2009	214098	245252	140008	99799	5445	134527
2010	—	214434	124611	84406	4418	114322

* *Источники:* Статистичний щорічник України за 2000 рік. — К., 2001. — С. 71, 74; Статистичний щорічник України за 2009 рік. — К., 2010. — С. 67.

Субъекты рабочего движения

Когда говорят о субъектах забастовочного движения, имеют в виду, с одной стороны, *какие профессиональные группы и социальные классы в него вовлечены*, с другой — *каковы организационные формы этого движения* (профсоюзы, партии, стачкомы).

Степень участия разных социальных классов в рабочем движении. Начну с описания, которое можно составить на основе данных статистики. Как показывает отраслевой анализ участников, *промышленные рабочие в 1990-е годы не являлись безусловными лидерами забастовочного движения* (см. табл. 5). Они были инициаторами и главной действующей силой первых рабочих забастовок в 1989–1991 годах. Однако, например, в 1997 году из 1162 забастовок, официально зарегистрированных в Украине, основная часть — 1031 — состоялись в сфере образования. Правда, несмотря на то, что в промышленности проходила только каждая десятая забастовка, число участников среди них и среди бастующих других отраслей вместе взятых подобно, что объяснимо высокой концентрацией занятых на промышленных предприятиях. Данная закономерность сохраняется из года в год. Таким образом, масштаб забастовочного движения индустриальных рабочих иногда значительно меньше по количеству предприятий, на которых про-

Таблица 5
Количество забастовок и их участников по видам экономической деятельности (1989–2008)*

Год	Угольная промышленность		Промышленность		Строительство		Транспорт		Образование		Охрана здоровья		Другое	
	количество забастовок	количество участников, чел.	количество забастовок	количество участников, чел.	количество забастовок	количество участников, чел.	количество забастовок	количество участников, чел.	количество забастовок	количество участников, чел.	количество забастовок	количество участников, чел.	количество забастовок	количество участников, чел.
1989	—	—	161**	277100**	60	15900	—	—	—	—	—	—	1	100
1990	—	—	198**	119300**	36	7000	17	2800	—	—	—	—	9	1800
1991	101	105500	55	58300	22	3800	31	6800	—	—	—	—	30	1500
1992	20	8975	6	925	2	200	127	36500	2084	135000	—	—	—	—
1993	252	172700	93	67500	64	10100	20	5200	—	—	—	—	33	4900
1994	42	24405	18	6195	11	1500	—	—	1539	93500	—	—	28	700
1995	97	48183	3	617	15	1600	1	100	131	7100	—	—	—	—
1996	190	109332	14	4968	57	5300	1	200	—	—	—	—	1007	51600
1997	83	49177	18	13988	16	1314	—	—	1031	49156	2	1834	12	944
1998	81	51111	14	4627	26	3118	1	520	545	34169	13	4710	7	455
1999	50	25244	5	1059	10	987	1	578	211	12610	—	—	13	1551
2000	34	18520	2	859	7	375	—	—	27	677	—	—	3	213
2001	8	5063	3	509	7	397	—	—	12	662	—	—	1	145
2002	4	1822	1	253	1	45	1	250	86	6766	2	140	2	67
2003	7	3713	4	1037	1	34	3	664	—	—	—	—	—	—
2004	1	486	1	22	—	—	2	489	—	—	—	—	—	—
2005	2	581	1	6	—	—	—	—	—	—	—	—	1	43
2006	2	826	6	704	3	17	1	362	—	—	—	—	1	357
2007	1	25	2	587	—	—	1	210	—	—	—	—	1	27
2008	—	—	—	—	1	354	—	—	—	—	—	—	—	—

* Источник: аналогично табл. 1.

** Данные о числе забастовок и количестве участников в промышленности в 1989 и 1990 годах включают и данные в угольной промышленности.

шли забастовки, однако по числу участников сравним с общим числом бастующих в других отраслях.

Естественно, большей протестной активностью отличаются рабочие тех отраслей, которые значительно пострадали от экономических трансформаций 1990-х годов. Так, среди промышленных рабочих большая часть забастовок состоялась в угольной промышленности, которая находилась в середине 1990-х годов в состоянии реструктуризации, серьезно ухудшившей ситуацию трудоустройства и снизившей уровень жизни занятых в этой отрасли [Гуляев, 2003; Кононов, 2001; Панькова, 2006; Симончук, 1999; Русначенко, 1995; Siegelbaum, 1995]¹. Например, в 1997 году из всех забастовок, официально зарегистрированных в промышленности (101), 83 прошли в угольной отрасли, в 1998 — 81 из 95, в 1999 — 50 из 55, в 2000 — 34 из 36, в 2003 — 7 из 11².

Однако даже в период всплеска рабочего движения в середине 1990-х годов его интенсивность в постсоветских России и Украине была несопоставима с периодом социальных революций начала XX века. Так, процентное соотношение количества бастующих к общему количеству промышленных рабочих в Российской империи в 1912–1913 годах (а это были годы не самого высокого уровня забастовочной активности) было на порядок выше, чем в Украине и России в 1996 и 1997 годах, на которые приходится пик выступлений (см. табл. 6). Если в начале XX века участниками забастовок были от трети до половины всех занятых в промышленности, то в конце века — 1,2–2,5%. Это различие принципиальное и весьма показательное в подтверждение тезиса о слабости “рабочего вопроса” и отсутствии революционной ситуации в постсоветских Украине и России.

Таблица 6

Соотношение количества участников забастовок в промышленности к общему количеству занятых в данной отрасли

Количество участников	Российская империя		Россия		Украина	
	1912	1913	1996	1997	1996	1997
Число занятых в промышленности, тыс. чел.	2163	2438	16366	14905	4642	4273
Общее число участников забастовок в промышленности, тыс. чел.	725,4	1272	365,6	184,3	114,3	63,2
Участники забастовок в % к общему числу занятых в промышленности	33,7	52,2	2,2	1,2	2,5	1,5

* *Источники: Воейков М.И. Рабочий вопрос в России: начало и конец XX века. — С. 29; Статистичний щорічник України за 1997 рік. — С. 383.*

¹ В угольной отрасли России параллельно происходили аналогичные процессы, описанные в [Ильин, 1998; Крутой пласт, 1999; Борисов, 2000; Гуляев, 2003; Забастовки, 1996; Кацва, 2008].

² См. соответствующие источники к таблице 1. Отмечу, что до 1993 года информация об отраслевом участии в забастовках в статистических сборниках не представлена.

Вывод, что рабочие не были ведущей социальной силой, подтверждают и другие источники. Историография забастовочного движения в Украине периода независимости детально и убедительно представлена в ряде публикаций украинских исследователей [Гуляев, 2003; Кононов, 2001; Панькова, 2006; Симончук, 1999; Русначенко, 1995; Кузьмина, 2006; Siegelbaum, 1995]. Здесь содержится анализ основных этапов этого движения, объективных и субъективных факторов его развития, а также профессиональных групп, которые в него были вовлечены, и форм организации движения. Российский социолог Борис Максимов убедительно проанализировал характер участия рабочих в преобразованиях в период так называемого “транзита” — в какой мере они были объектами, и насколько им удавалось играть роль субъекта происходящих изменений [Максимов, 2008]. Он выделил пять этапов (поворотов) поведения российских рабочих в перестроечно-реформенный период (на мой взгляд, они в полной мере справедливы и для украинского рабочего движения). **1.** В 1985–1990-е годы за рабочими признают роль “со-субъектов преобразований”, поскольку они активно включились в процессы перестройки. **2.** В период вспышки рабочего движения в начале 1990-х рабочие выступают в роли “со-субъектов разрушительных действий” по отношению к прежней социальной системе; причем это единственный период, когда ими выдвигались политические и макроэкономические требования. **3.** В период перехода от социализма к капитализму (характеризовавшийся шоковой терапией, либерализацией цен, приватизацией, разрушением прежней системы управления производством, созданием новых организаций) рабочие вначале оказывали молчаливую поддержку переходу к рынку, затем у них формировалось восприятие приватизации и реформ в целом как “большого обмана”. На этом этапе рабочие были уже сугубо объектами, “со-исполнителями изменений” и могли только протестовать против их следствий. **4.** Во второй половине 1990-х состоялся кардинальный переход рабочих к оппозиционности к новым порядкам на производстве и в обществе. Протесты развернулись на фоне глубокого экономического кризиса, резкого снижения уровня жизни, проблем занятости, агрессивного поведения новых собственников, многочисленных нарушений социально-трудовых прав рабочих, их всеобщего недовольства. Причем лишения воспринимались как неизбежные: “рабочие, как и другие социально-профессиональные группы, находились под гипнозом формулы о прогрессивности и необратимости реформ и приватизации” [Максимов, 2008]. Изменилось восприятие противостоящего им субъекта, каковым редко был их работодатель, приняв нечеткие формы “реформаторов”, “властей”. Несмотря на возмущение “обманной приватизацией”, закрытием предприятий и массовыми сокращениями, главными причинами протестов были задержки заработной платы (снятие этой причины, как правило, сразу вело к сворачиванию забастовки и возобновлению работы). Отрицательным для оформления рабочего движения как социальной силы оказалось то, что было создано мало действенных рабочих организаций на низовом, региональном и общегосударственном уровне (за исключением отдельных профсоюзов), а также то, что рабочие не обрели союзников в лице представителей среднего класса. **5.** На современном этапе, характеризующемся завершением реформ и стабилизацией (задержки зарплаты перестали быть массовыми, повысился ее номинальный размер, неполная занятость сменилась дефицитом рабочих кадров в про-

мышленных центрах; рабочие избавились от иллюзий соучастия в собственности), реализуются две стратегии — практика индивидуальных решений своих проблем и деятельность тред-юнионистского характера. Рабочие выступают сегодня активными субъектами действий, правда, не по изменению социально-экономической ситуации, а по приспособлению к ней.

Итак, данные статистики и экспертные мнения свидетельствуют в пользу гипотезы, что рабочий класс не является лидером рабочего/забастовочного движения в Украине в последние двадцать лет. Более того, эмпирически обоснованным следует считать вывод о том, что все классы в подобной мере приобрели опыт коллективных действий в защиту своих интересов. Приведу аргументы в пользу тезиса о подобии причин участия рабочих и представителей среднего класса в забастовочном движении.

Один из аргументов состоит в том, что в 1990-е и 2000-е годы *у украинских рабочих было не больше экономических оснований для протеста, чем у представителей других классов*. Согласно данным мониторинга, все они находились примерно на одинаковом (во всяком случае, не отличающемся принципиально) материальном положении — и по уровню доходов, и по обеспеченности предметами домашнего обихода, и по самооценкам материального статуса семьи (см. табл. 7-А)¹. Кроме того, проблемы ухудшения материального положения, возникшие в результате экономических реформ, заделали все группы наемных работников почти в равной мере.

Причем общеизвестно, что сближение различных социально-экономических характеристик профессиональных групп, выравнивание доходов и уровня жизни их представителей произошло еще в советское время. Этот вывод исследователи подкрепляли фактическими данными, свидетельствующими, что материальное благосостояние работающих людей сравнительно слабо зависит от их социально-профессиональной принадлежности. Благосостояние работника в большей мере связывали с индивидуальным качеством труда, ситуацией на конкретном предприятии и в конкретном районе, инициативой, предприимчивостью, семейной нагрузкой и т.д. [Гордон, 1985]. Согласно данным экспертов, в начале XX века (20-е и 30-е годы) обеспеченность домашним инвентарем (одеждой, мебелью, посудой, книгами) в семьях рабочих была в 2–3 раза ниже, чем среди служащих [Воейков, 2004: с. 32–33]. В конце же века обеспеченность рабочих и служащих материальными благами (в частности, холодильником, кухонным и мебельным гарнитурами, домашней библиотекой) практически сравнялась [Рабочий и инженер, 1985: с. 252]. Сравнительные данные официальной статистики относительно динамики оплаты труда в течение XX века также свидетельствовали о постепенном выравнивании доходов этих социальных групп. Если в 1940 году соотношение заработной платы рабочих и служащих составляло 1 : 1,7, то в 1960 — 1 : 1,3, а еще через 20 лет — в 1980 году 1 : 1,1 и продолжало снижаться (в 1987 году — 1 : 1,07) [Труд, 1988: с. 189]. На основании этого сравнительного анализа материального положения рабочих и служащих делали вывод, что к концу 1980-х годов выдвинутый в СССР тезис о тенденции стирания социальных различий между классами, работниками преиму-

¹ Этот вывод сделан на основе многочисленных данных, подробно рассмотренных в предыдущих статьях автора [Симончук, 2009].

Таблица 7
Динамика материального статуса и ситуации с работой среди представителей разных социальных классов в Украине (1994–2008)*

Социальный класс	А – материальный статус								Б – ситуация с работой						
	Средняя заработная плата, доллары	Среднемесячный доход на одного члена семьи, доллары	Самооценка материального положения, средний балл 10-балльной шкалы	Наличие стресса тяжелого материального положения	Оценка перемен в материальном уровне семьи, значительно ухудшилось	Наличие в домохозяйстве:				Уровень удовлетворенности работой (скорее и полностью не удовлетворен)	Оценка перемен в гарантиях занятости (значительно ухудшилась)	Мнение о нехватке работы, которая подходит	Трудно найти работу по своей квалификации и с достаточной оплатой		
						Автомобиль	Дача	Цветной телевизор	Новая мебель					Холодильник	Модная одежда
	1994 год														
Мелкая буржуазия	43	26	4,0	27,6	23,2	37,9	25,9	84,5	50,0	91,4	53,9	19,3	60,0	–	–
Средний класс	16	12	3,2	33,6	51,2	24,9	17,5	73,4	33,6	93,3	32,9	34,7	68,9	–	–
Рабочий класс	16	11	2,9	37,7	53,0	15,5	11,0	65,9	25,9	91,3	22,2	45,0	64,9	–	–
Неработающие	8	10	2,8	31,2	53,8	19,2	10,2	56,2	22,7	90,9	20,1	36,8	63,2	–	–
Количество респондентов	1467	1554	1697	1718	1676	1718	1718	1718	1718	1718	1718	1028	1644	–	–
	2008 год														
Мелкая буржуазия	403	250	4,7	6,9	7,8	56,9	9,8	97,1	41,2	98,0	36,3	19,9	14,9	27,5	72,5
Средний класс	281	214	4,0	12,6	11,9	33,6	17,0	93,6	27,1	95,6	24,2	23,8	14,1	31,6	82,1
Рабочий класс	261	188	3,8	17,5	14,8	28,1	8,5	95,4	22,1	95,6	16,4	30,2	15,1	37,0	78,0
Неработающие	130	148	3,5	18,4	19,6	21,9	9,2	91,5	15,9	95,9	11,2	6,7	22,2	39,1	69,1
Количество респондентов	1582	1548	1675	1684	1680	1684	1684	1684	1682	1684	1684	1675	1675	1674	1675

* Источник: Данные мониторинга Института социологии НАНУ.

щественно физического и умственного труда (во всяком случае, в части выравнивания доходов и уровня жизни) был практически реализован.

Экономические реформы 1990-х годов пошатнули материальное благосостояние всех классов, причем настолько, что их уровень и стиль жизни стали характеризовать словом “выживание”. Из данных табл. 7-А очевидно, что ни в 1994 году, ни в настоящее время (2011 год) материальное положение представителей рабочего и среднего классов существенно не разнится (хотя, налицо безусловно лучшая ситуация среди мелкой буржуазии) как по объективным показателям (размер заработной платы, среднедушевой доход членов семьи, степень обеспеченности предметами домашнего обихода), так и по самооценкам материального статуса.

Второй аргумент в пользу вывода о подобных основаниях участия разных классов в забастовочном движении состоит в том, что *их представители имели значительный опыт безработицы, почти в равной мере испытывали фрустрацию из-за угрозы потери работы, неудовлетворенность работой, проблемы поиска места работы с достаточной оплатой труда*. Согласно данным мониторинга, анализ степени удовлетворенности работой, мнений о снижении гарантий занятости и нехватке подходящей работы по квалификации и с достойной оплатой свидетельствует, что у представителей среднего класса по всем приведенным показателям несколько лучшая ситуация с работой, чем у рабочих, однако речь не идет о кардинальных преимуществах (см. табл. 7-Б). Очевидно, что с 1994 по 2010 год произошли позитивные изменения в сфере занятости, которые касались пропорционально всех классов.

Статистические справочники, с 2000 года содержащие сведения о профессиональной принадлежности безработных, позволяют оценить доли среди них представителей белых и синих воротничков. Ежегодно (даже на пике уровня безработицы в 2000 году) среди зарегистрированных граждан, не занятых трудовой деятельностью и находящихся в поисках работы, фиксировалось около 45% беловоротничковых работников (см. 1–5 строки табл. 8) и 55% синеворотничковых (строки 6–9). Значит, рабочие составляли большую (но не кардинально) часть безработных. Причем доля зарегистрированных безработных в целом по Украине стабильно уменьшалась (с 4,8% в 2000 году до 1,9% в 2009-м), а вот соотношение занятых нефизическим и физическим трудом сохранялось. Свидетельством того, что рабочие испытывали не самые большие проблемы с трудоустройством, является и показатель нагрузки на одно свободное место. Отметим, что пик нагрузки на свободное рабочее место, а значит, наибольшее обострение проблем трудоустройства, пришелся на 1998–2000 годы, когда на каждую вакансию претендовало в среднем 20–24 человека¹. Причем и тогда, и сейчас (в 2010 году) трудоустроиться индустриальным рабочим (квалифицированным рабочим с инструментом, операторам и сборщикам оборудования и машин) значительно проще, чем квалифицированным рабочим сельского и лесного хозяйства или работникам сферы обслуживания и торговли. К 2005 году нагрузка на одну вакансию в промышленности значительно снизилась, что свидетельствует об улучшении ситуации в экономике, увеличении спроса предприятий на рабочую силу, особенно высококвалифицированную.

¹ Показатель нагрузки на одно свободное место в 1996 году составлял в среднем 1,9, в 1997 – 11,9, в 1998 – 20,0 [Статистичний щорічник України за 1997 рік. – С. 372].

**Динамика спроса и предложения рабочей силы на рынке труда
по профессиональным группам (2000–2009)***

Категории	Количество зарегистрированных граждан, не занятых трудовой деятельностью, тыс. чел.			Потребность предприятий в рабочих на замещение свободных рабочих мест, тыс. чел.			Нагрузка на одно свободное рабочее место, вакансию, чел.		
	2000	2005	2009	2000	2005	2009	2000	2005	2009
Всего	1204,6	903,5	542,8	50,7	186,6	65,8	24	5	8
1. Высшие государственные служащие, руководители	58,1	56,0	51,8	2,6	12,7	6,5	22	4	8
2. Профессионалы	100,2	48,1	45,0	4,9	18,6	10,0	20	3	4
3. Специалисты	163,9	78,4	51,7	4,8	17,4	9,1	34	5	6
4. Технические служащие	65,0	46,7	31,2	0,5	5,1	2,4	125	9	13
5. Рабочие сферы обслуживания и торговли	149,3	120,6	66,0	2,1	12,4	8,0	70	10	8
6. Квалифицированные рабочие сельского и лесного хозяйств, рыбозаготовки и рыболовства	24,9	41,5	19,5	0,8	2,3	0,7	30	18	28
7. Квалифицированные рабочие с инструментом	235,8	95,4	77,6	18,6	56,0	11,4	13	2	7
8. Операторы и сборщики оборудования и машин	226,2	153,5	106,8	13,1	39,6	7,7	17	4	14
9. Простейшие профессии	181,2	263,3	93,2	3,3	22,5	10,0	43	12	9

* *Источник:* Статистичний щорічник України за 2001 рік. — К., 2002. — С. 377; Статистичний щорічник України за 2009 рік. — С. 371.

Согласно данным ESS, в 2008 году население Украины в сравнении с другими странами в наибольшей мере испытывало давление безработицы и оценивало вероятность потерять работу (см. табл. 9). В течение жизни 40% украинцев имели период, когда они более трех месяцев были без работы и искали работу; среди россиян таких почти вдвое меньше — 22%; среди населения западных стран — 29%. Вероятность в течение 12 месяцев потерять работу и искать новую отметили 39% населения Украины, в других странах шансы попасть в такую ситуацию люди оценивают значительно ниже (примерно четверть населения). Оценивая в классовом ракурсе эти вопросы, отметим, что во всех сравниваемых странах представители служебного класса (верхнего среднего) были в более благополучной ситуации, однако и среди

них доля испытывавших ситуацию безработицы и испытывающих в настоящем страх потери работы также довольно высока.

Таблица 9

**Угроза и опыт безработицы среди представителей
разных социальных классов, %***

Социальный класс	Украина	Россия	Постсоциалистические страны	Капиталистические страны
Был ли когда-либо в жизни такой период, когда Вы более 3-х месяцев были без работы и искали работу?				
Служебный класс	33,3	18,1	21,6	23,7
Промежуточный класс	45,5	20,9	34,8	28,0
Мелкая буржуазия	50,0	31,4	22,7	20,9
Квалифицированные рабочие	45,0	23,2	37,2	34,3
Неквалифицированные рабочие	38,7	24,9	40,1	39,7
По выборке в целом	39,8	22,2	31,4	29,0
Количество респондентов	1602	2124	6230	23223
Вероятность в течение 12 месяцев потерять работу и искать новую, по крайней мере 4 недели (% ответивших “вероятно” и “очень вероятно”)				
Служебный класс	38,4	25,9	19,2	11,4
Промежуточный класс	41,7	22,7	26,8	14,3
Мелкая буржуазия	35,8	26,3	14,7	13,8
Квалифицированные рабочие	41,9	30,9	31,3	22,9
Неквалифицированные рабочие	34,8	24,8	31,7	26,7
По выборке в целом	38,7	26,5	25,5	17,1
Количество респондентов	1491	1994	5916	22963

* *Источник:* Для сравнения взяты данные ESS 2008 года Украины, России, девяти постсоциалистических стран (Латвия, Эстония, Польша, Болгария, Чешская Республика, Румыния, Хорватия, Словакия, Словения) и одиннадцати развитых капиталистических стран (Германия, Швейцария, Бельгия, Испания, Франция, Великобритания, Нидерланды, Финляндия, Дания, Норвегия, Швеция). Данные Украины и России взвешены на дизайн-эффект, а стран Восточной и Западной Европы – на комбинированный вес $\text{weight}_2 = \text{dweight} * \text{pweight}$.

Третий аргумент в пользу вывода о равных основаниях для протеста среди представителей разных классов состоит в том, что ни рабочие, ни люди среднего класса не смогли создать (за редким исключением) для выражения и защиты своих интересов сильные, влиятельные, независимые организации – политические партии и профсоюзы, которые формировали бы идеологическую гегемонию своих представителей (*подробно об этом ниже*).

Профсоюзы и политические партии как субъекты рабочего движения. Говоря о протестной активности работников, довольно интенсивной в индустриальном обществе, западные социологи всегда имеют в виду, что она протекает в институционально организованных формах. Они считают, что “организации, создаваемые для действенного выражения протестных настроений

рабочих, и составляют рабочее движение” [Аберкромби, 1997: с. 252]. В одних странах эту роль выполняют политические партии, в других — профсоюзы (например, в США “профсоюзное движение” — это синоним “рабочего движения”). Именно профсоюзы и партии левого толка (коммунистические, социалистические, лейбористские и т.п.) направляли классовую борьбу рабочих в капиталистических странах, ослабляли идеологическую гегемонию буржуазии, формировали новую политику социального партнерства.

В связи с этим необходимо ответить на ряд исследовательских вопросов о современном состоянии профсоюзного и партийного движения в Украине. Сколько в настоящее время членов профсоюзов и политических партий, как изменилась их численность с советских времен и как она соотносится с таковой в развитых капиталистических странах? Отличается ли членство в соответствующих организациях среди представителей разных классов? Какова степень доверия населения к профсоюзам и политическим партиям?

Членство в политических партиях. В качестве фоновых приведу данные о вовлеченности населения и, в частности, представителей разных социальных классов в различные организации. Очевидно, что в течение двадцати лет практически одинаковая часть граждан Украины (17–18%) являлись членами одной или нескольких общественных или политических организаций — профессионального объединения, политической партии, спортивного клуба, экологического движения, клуба по интересам, религиозной или молодежной организации, общественно-политического движения (см. табл. 10).

Таблица 10

Уровень участия в общественных и политических организациях среди представителей разных социальных классов, %*

Социальный класс	Члены одной или нескольких общественных или политических организаций		Члены политической партии	
	1994	2010	1994	2010
Средний класс	22,8	22,8	1,0	4,2
Мелкая буржуазия	22,4	21,6	3,4	6,8
Рабочий класс	18,6	14,4	1,6	2,4
Неработающие	14,0	14,7	0,1	2,4
В целом по выборке	17,8	16,5	0,6	3,0
Количество респондентов	1718	1675	1718	1675

* Источник: данные мониторинга Института социологии НАН Украины.

Уровень же членства в политических партиях значительно возрос: с 0,6% в 1994 году до 3% в 2010-м. Его можно оценивать как невысокий, если сравнивать с советским прошлым (когда членами КПСС были 11,3% занятого населения Украины)¹, и одновременно как средневропейский (согласно дан-

¹ Численность членов Коммунистической партии Украины в 1980 году составляла 2871977 человек, или 11,3% занятого населения [Комуністична партія, 1980: с. 339].

ным международного проекта ESS 2008 года, членство в какой-либо политической партии в постсоциалистических и капиталистических странах не превышает 4%, а в Украине — 3,5%) (см. табл. 11). Очевидно, что уровни общественной активности в целом и партийной в частности не совпадают среди представителей разных классов. Во-первых, работающие активнее, чем неработающие; во-вторых, среди представителей среднего класса и мелкой буржуазии значительно больше членов партий и общественно активных, чем среди рабочих и неработающих.

Таблица 11

Отношение к политическим партиям среди представителей разных социальных классов в сравниваемых странах, % ответивших “да” на определенный вопрос

Социальный класс	Украина	Россия	Постсоциалистические страны	Капиталистические страны
Есть ли в Украине такая политическая партия, которая Вам ближе, чем остальные партии?				
Служебный класс	45,8	54,1	45,7	60,9
Промежуточный класс	40,2	53,6	37,8	55,7
Мелкая буржуазия	44,4	53,1	33,7	54,5
Квалифицированные рабочие	49,5	46,5	34,1	45,7
Неквалифицированные рабочие	44,4	51,2	32,8	45,6
По выборке в целом	45,7	51,3	37,5	53,8
Количество респондентов	1420	1961	6117	22984
Являетесь ли Вы членом какой-либо политической партии?				
Служебный класс	4,4	5,5	5,7	4,4
Промежуточный класс	3,2	3,1	2,5	2,7
Мелкая буржуазия	7,1	6,7	2,6	4,7
Квалифицированные рабочие	3,0	2,9	3,2	2,0
Неквалифицированные рабочие	1,8	3,6	2,5	2,0
По выборке в целом	3,5	4,1	3,6	3,3
Количество респондентов	1599	2130	6263	23218

* Источник: аналогичный табл. 9

Несмотря на то, что во всех сравниваемых странах членство в партии одинаково низкое (не больше 4%), однако доля людей, которые отмечают, что есть партия, которая им ближе, чем другие, существенно выше: в Украине — 46%, а в западных странах — около 55% (см. табл. 11). Значит, это партия, которой они доверяют, которая выражает их интересы и является, вероятно, их электоральным выбором. Причем в этом аспекте нет классовых различий в Украине, а вот во взятых для сравнения капиталистических и постсоциалистических странах симпатии к определенной партии в значительно большей степени имеют представители служебного класса, чем рабочего.

Членство в профсоюзах. Официальную информацию (из административных источников и данных выборочных исследований) о членстве в профсоюзах в разных странах можно найти на сайте Организации по экономическому сотрудничеству и развитию (Organisation for Economic Co-operation and Development — OECD). Данные таблицы 12 свидетельствуют, что в течение последних пятидесяти лет в большинстве сравниваемых стран происходило снижение членства в профсоюзах (наиболее резко — в постсоциалистических). В западных странах причины этого нисходящего процесса одни исследователи связывают прежде всего с изменением структуры трудовых отношений в период “новой экономики” (возрастание доли людей, работающих неполный рабочий день/неделю, занятых на условиях временных контрактов, аутсорсинга и т.п., не охваченных, как правило, профсоюзами); другие возражают, что нельзя сводить объяснение ослабления профсоюзного движения исключительно к этому аргументу, ведь несмотря на глобальные изменения в трудовой сфере, позиции профсоюзов в ряде стран укрепляются [Соболев, 2009; Олсон, 2004; Esping Andersen, 1993: p. 33–34]. Примером являются скандинавские страны (Норвегия, Швеция, Дания), а также Канада и Испания, где в изучаемый период фиксировалось повышение членства или, по крайней мере, сохранение статус-кво. Возможно, укрепление позиций профсоюзов в этих странах связано с эффективностью их реального участия в защите прав и интересов объединенных в профессиональные организации членов¹.

В советский период в Украине членство в профсоюзах постоянно росло, достигнув к началу 1990-х годов немислимой для западных стран цифры в 99,5% всех занятых. Однако затем на фоне резких социально-экономических трансформаций численность членов профсоюзов сократилась более чем наполовину [Дубровский, 2009]. Историки профсоюзного движения² причины этого процесса видят в закрытии многих крупных предприятий; расширении разнообразных видов неформальной занятости³; увеличении количества предприятий частного сектора, где появление профсоюзных организаций не приветствовалось; разочаровании в деятельности традиционных профсоюзов, оказавшихся неспособными реально защитить экономические и трудовые интересы своих членов; разделении в процессе забастовочного движения многих отраслевых профсоюзов (например, шахтеров, металлургов, железнодорожников) на традиционные и независимые.

В настоящее время точно оценить численность работников, объединенных профсоюзами (которые сегодня, как и в советские времена, организованы по территориальному и отраслевому принципу), аналитики не берутся

¹ Интересно, что среднегодовое число забастовочных дней на тысячу занятых работников наибольшее именно в скандинавских странах (Дания — 178, Финляндия — 97, Швеция — 40, тогда как в Великобритании — 27) (по данным Европейской комиссии по росту безработицы и изменениям уровня ВВП в 12 странах Западной Европы).

² В Украине историей профсоюзного движения занимались такие исследователи: [Вишневський, 2000; Дубровский, 2009; Жуков, 2000; Нариси історії, 2002; Русначенко, 2000; Цвях, 2002; Сучасний стан, 2003], в России: [Соболев, 2009; Каневский, 2011; Рабочее движение, 1995].

³ В 2009 году 22,1% занятого населения Украины работали в неформальном секторе экономики (9,2% наемные работники и 79,4% работающие не по найму) [Економічна активність населення України 2009: Статистичний збірник. — К., 2010. — С. 87].

как вследствие ухудшения профсоюзного учета, так и из-за значительной мобильности трудовых ресурсов. Согласно официальным данным Федерации профсоюзов Украины, численность их членов в 2009 году составляла 12 млн человек (59% всех занятых) [<http://www.fpsu.org.ua/>]. Ориентируясь же на данные международного проекта ESS, долю членов профсоюзов в Украине можно оценить в границах 20–22% занятого населения (см. табл. 12). На рисунке 2 наглядно видно, что такой уровень профсоюзного членства является средним по большинству европейских стран.

Таблица 12

**Членство в профсоюзах в Украине и ряде стран OECD
в 1960–2008 годах, %***

Страна	1960	1965	1970	1975	1980	1985	1990	1995	2000	2005	2008
Украина	44,3	74,1	80,4	90,5	97,8	98,8	97,5	–	–	22,4	19,8
Россия	–	–	–	–	–	–	–	–	–	17,9	15,5
Все страны OECD, в том числе:	33,6	32,4	33,3	34,0	32,8	28,2	26,0	23,9	20,4	18,7	17,8
Польша	–	–	–	–	–	–	54,8	45,2	24,2	18,3	15,6
Венгрия	–	–	–	–	–	–	–	49,1	21,7	17,5	16,8
Чешская Республика	–	–	–	–	–	–	–	46,3	29,5	21,5	20,2
Австрия	67,9	66,2	62,8	59,0	56,7	51,6	46,9	41,1	36,6	33,6	28,9
Германия	34,7	32,9	32,0	34,6	34,9	37,7	31,2	29,2	24,6	21,6	19,1
Франция	19,6	19,5	21,7	22,2	18,3	13,6	10,3	8,9	8,1	7,8	7,7
Италия	24,7	25,5	37,0	48,0	49,6	42,5	38,8	38,1	34,8	33,6	33,4
Испания	–	–	–	–	–	10,2	12,5	16,3	16,7	15,0	14,3
Швейцария	36,1	32,8	28,9	32,3	27,7	24,9	22,7	22,9	20,8	19,4	18,3
Нидерланды	40,0	37,4	36,2	37,8	34,8	28,0	24,3	25,6	22,9	21,0	18,9
Норвегия	60,0	59,0	56,8	52,8	58,3	57,5	58,5	57,3	54,4	54,9	53,3
Швеция	72,1	66,3	67,7	74,5	78,0	81,3	80,0	83,1	79,1	86,5	68,3
Дания	56,9	58,2	60,3	68,9	78,6	78,2	75,3	77,0	74,2	71,7	67,6
Великобри- тания	38,9	38,7	43,0	42,1	49,7	44,3	38,7	33,1	30,2	28,4	27,1
Канада	29,2	26,7	31,0	34,3	34,0	35,3	34,0	33,7	28,3	27,7	27,1
США	30,9	28,2	27,4	25,3	22,1	17,4	15,5	14,3	12,8	12,0	11,9
Япония	32,3	35,3	35,1	34,5	31,1	28,8	25,4	24,0	21,5	18,8	18,2

* *Источники:* Данные Организации по экономическому содействию и развитию (Organisation for Economic Co-operation and Development – OECD) – [http://stats.oecd.org/Index.aspx?DatasetCode=U_D_D]. Данные по Украине и России 2005 и 2008 года взяты из проекта ESS.

Анализируя уровень участия в профсоюзах среди представителей разных классов, отмечу, что во всех сравниваемых странах справедлива такая закономерность: членами профсоюзов в значительной большей степени яв-

ляются представители служебного и промежуточного класса, чем рабочего; членство же мелкой буржуазии минимально (см. табл. 13)¹. Вероятнее всего, это связано с тем, что представители среднего класса (служебного и промежуточного) заняты главным образом в государственном секторе, где отношения занятости, как правило, официально оформлены, а профсоюзы сохраняют свои традиционные позиции; в то время как большая доля рабочих занята в частном секторе, где широко распространена неформальная занятость, где высокая миграция трудовых кадров, а профсоюзы на многих предприятиях (особенно малых и средних) или вообще не организованы, или даже запрещены работодателем.

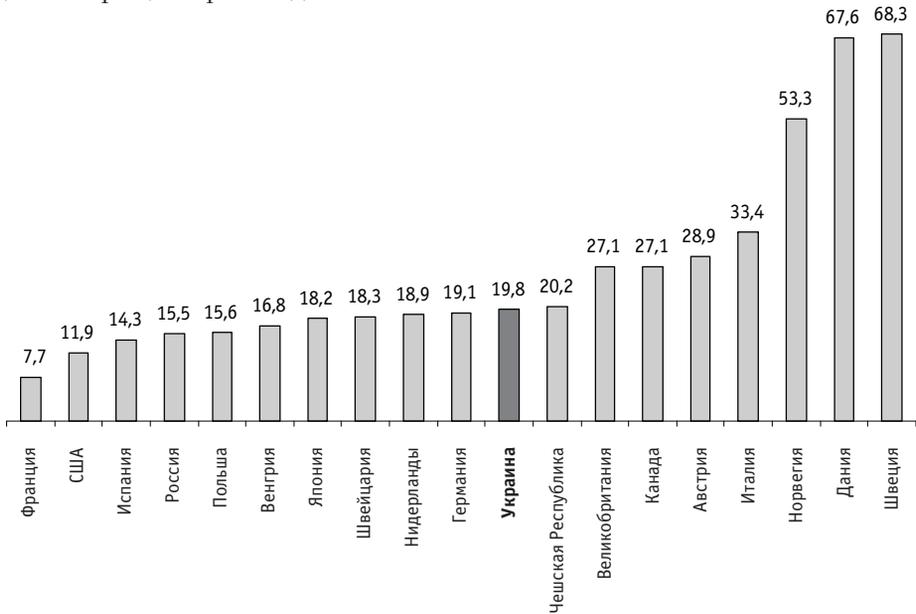

Рис. 2. Членство в профсоюзах в Украине и ряде стран OECD в 2008 году, %

Таким образом, из традиционных для Запада форм организации рабочего движения в Украине в 1990-е и 2000-е годы ни одна не реализовалась как основная и эффективная. Ни политические партии, ни профсоюзы (за редким исключением) не были надежной базой защиты интересов рабочих. В забастовках первой половины 1990-х годов для разрешения возникших конфликтов, как правило, выдвигались ситуативные лидеры, стихийно создавались временные инициативные группы (“стачкомы”), существовавшие до момента урегулирования конфликта. Тем не менее профсоюзы остаются наиболее массовой организацией, объединяющей наемных работников. Они продолжают действовать в организациях бюджетной сферы и на крупных промышленных предприятиях (как государственных, так и приватизированных), где нередко сосуществуют альтернативные профсоюзные органи-

¹ В данной статье в фокус анализа не попали политические организации доминирующих классов, например работодателей. Однако в Украине активно работают организации, представляющие интересы предпринимателей, например, Украинский союз промышленников и предпринимателей (УСПП) [<http://www.uspp.org.ua/>]. (О правовых рамках и деятельности организаций работодателей см.: [Сучасний стан, 2003].)

зации. (Такова ситуация, например, на предприятиях металлургической, угледобывающей, железнодорожной отраслей.) В этом случае один профсоюз стремится отстаивать интересы рабочих, не вступая в сговор с работодателями, а другой — формально являясь органом решения трудовых конфликтов, на практике берет на себя исключительно функцию контроля за реализацией традиционных социальных льгот и воспринимается работниками как “социально-бытовой отдел администрации” [Кабалина, 1998: с. 36]. На малых же и средних предприятиях частного сектора профсоюзы часто вообще отсутствуют или запрещены, их работники по многим причинам мало склонны к объединению и коллективным действиям.

Таблица 13

**Членство в профсоюзах на момент опроса
среди разных социальных классов, %***

Социальный класс	Украина	Россия	Постсоциалистические страны	Капиталистические страны
Служебный класс	30,3	23,5	14,8	20,4
Промежуточный класс	21,6	19,9	12,9	18,5
Мелкая буржуазия	4,2	1,9	1,7	6,1
Квалифицированные рабочие	13,0	12,2	8,0	14,4
Неквалифицированные рабочие	13,6	9,5	6,1	14,2
По выборке в целом	19,8	15,5	9,3	16,5
Количество респондентов	1593	2110	6231	23227

* Данные ESS 2008 года по Украине и России взвешены на дизайн-эффект, а стран Восточной и Западной Европы — на комбинированный вес $weight2=dweight*pweight$.

С 2000-х годов рабочие лишь в крайних случаях прибегают к коллективным формам протеста. Следует отметить не коллективизм, сплоченность и солидарность, а скорее возрастание среди рабочих индивидуализма в решении трудовых конфликтов. На вопрос интервьюера “Если бы Ваши интересы или права были ущемлены, как бы Вы защищали их?” преимущественно следовал ответ “Пытался бы разрешить его сам”. Прежде всего линейные руководители (мастера, начальники цехов и участков) стали каналом выражения настроений рабочих, их производственных и социальных интересов. Исследователи трудовых отношений отмечают, что линейный менеджмент играет важную роль в локализации конфликтов на низовом уровне, в предотвращении их распространения на уровень предприятия [Кабалина, 1998: с. 36]. Именно этот “низовой” канал респонденты видят наиболее действенным и первоочередным в решении собственных трудовых проблем.

В публикациях последних лет многие исследователи трудовых отношений констатируют, что профсоюзы теперь — не единственные субъекты, защищающие интересы работников, участвующие в урегулировании условий занятости и оплаты труда [Соболев, 2009; Нариси, 2005]. Эти функции теперь все эффективнее исполняют (получая доверие работников) такие институты, как суд, органы государственного контроля, система индивидуальных договоров. Этот процесс называют “*диверсификацией социальной защи-*

ты” [Соболев, 2009: с. 169]. То, что профсоюзы перестают быть универсальным механизмом социальной защиты, является мировой тенденцией.

Обращение в суд становится в настоящее время довольно широко используемым каналом социальной защиты и решения работниками трудовых конфликтов, несмотря на то, что доля доверяющих судам составляет всего 12% населения Украины. Госкомстат Украины среди дел, рассматриваемых судами первой инстанции в порядке гражданского судопроизводства, отслеживает, в частности, данные о восстановлении на работе, выплате заработной платы, возмещении ущерба, нанесенного работниками государственным предприятиям и организациям (см. табл. 14)¹. Эти данные подтверждают мнение экспертов, что наиболее распространенными в настоящее время являются трудовые споры, связанные с оплатой труда, особенно несвоевременностью ее выплат. Очевидно, что всплеск в 2000-х годах исковых заявлений в суды относительно выплат зарплаты связан с законодательным усилением административной ответственности руководителей предприятий. Согласно опросам промышленных рабочих Донецкой области [Панькова, 2003: с. 118], обращение в суд является более эффективным способом решения проблем, связанных с разными случаями нарушения их трудовых прав, чем обращение в профсоюз. Например, в случае невыплаты заработной платы 46,8% респондентов эффективным путем считают обращение в суд, 16,7% — в профсоюзы; в случае несправедливого увольнения с работы — соответственно 29,8% и 28,9%. Отмечу, что в постсоветский период значительно снизилось количество судебных исков в отношении возмещения материального ущерба, нанесенного работниками в ходе выполнения служебных обязанностей (см. табл. 14). Во время интервью многие респонденты были настроены скептически в отношении эффективности этого канала социальной защиты, хотя описывали и вполне успешные случаи разрешения через суд трудовых споров в пользу рабочих. Эти прецеденты придают людям уверенности и расширяют их представление об эффективных каналах решения конфликтов.

Уровень доверия к профсоюзам, политическим партиям и судам. Доверие к разным социальным институтам и организациям является важным показателем их эффективности и привлекательности для членства в них. В Украине уровень доверия к ряду социальных институтов (в частности к профсоюзам, политическим партиям, судам, милиции, Верховной Раде) в 2010 году одинаково низкий — до 15%; причем он мало изменился с 1994 года (см. табл. 15). Сравнивая уровень доверия к названным организациям в классовом измерении, отмечу, что он близок у людей среднего и рабочего классов, а вот представители мелкой буржуазии более критично настроены практически ко всем институтам. Низкий уровень доверия населения к профсоюзам вполне объясняется их низкой эффективностью в защите интересов работников, что признают даже профсоюзные деятели и аналитики, делая “вывод о слабости профсоюзного движения в стране, недостаточной роли украинских профсоюзов в сфере социально-трудовых отношений, от-

¹ Кстати, созданный в 2006 году и постоянно пополняющийся “Единый державний реєстр судових рішень” [<http://reyestr.court.gov.ua/>] является полезным источником для отслеживания динамики статистических данных относительно решения трудовых споров через судебные инстанции.

кровенно слабо в влиянии на правительство и работодателей” [Дубровский, 2009: с. 128]¹.

Таблица 14

Динамика количества дел (заявлений), рассмотренных судами первой инстанции в порядке гражданского судопроизводства, тыс.*

Вид заявлений	1985		1990		1995		2000		2005		2009	
	Рассмотрено дел	Удовлетворено исков										
Восстановление на работе	3,4	1,3	3,8	1,8	3,6	2,0	5,5	3,1	3,8	2,2	3,7	1,5
Выплата заработной платы	0,8	0,4	1,1	0,7	0,9	0,7	237,6	232,3	56,0	53,5	21,5	14,6
Возмещение материального ущерба, нанесенного работниками государственному предприятию, организации	19,9	17,5	9,8	8,4	1,8	1,7	1,8	1,6	0,7	0,6	0,8	0,5

* *Источники:* Статистичний щорічник України за 2001 рік. — К., 2002. — С. 521; Статистичний щорічник України за 2009 рік. — К., 2010. — С. 511.

Таблица 15

Динамика уровня доверия разным социальным институтам, % ответивших “полностью и скорее доверяю”*

Социальный класс	Профсоюзы		Политические партии		Суды		Милиция		Верховная Рада	
	1994	2010	1994	2010	1994	2010	1994	2010	1994	2010
Средний класс	13,6	16,9	—	6,1	—	10,5	9,5	17,2	5,9	9,7
Мелкая буржуазия	1,8	6,8	—	4,6	—	7,9	12,3	12,5	0,0	6,8
Рабочий класс	15,4	15,2	—	6,4	—	10,5	11,0	13,0	10,6	11,5
Неработающие	13,6	16,2	—	9,7	—	13,2	16,6	14,6	13,6	17,9
В целом по выборке	15,0	15,5	—	7,9	—	11,8	13,0	13,7	10,3	14,2

* *Источник:* Данные мониторинга Института социологии НАНУ (объем выборки 1800 человек).

¹ Эксперты говорят о кризисе профсоюзов, однако в постсоветском пространстве и в западных странах причины этого кризиса разные [Соболев, 2009: с. 163–166].

Таблица 16

Уровень доверия политическим партиям, судам, политикам, парламенту, милиции среди представителей разных классов в разных странах, средний балл*

Социальный класс	Украина	Россия	Постсоциалистические страны	Капиталистические страны
Уровень доверия к политическим партиям				
Служебный класс	2,1	3,3	2,6	3,9
Промежуточный класс	1,5	3,4	2,6	3,7
Мелкая буржуазия	1,6	3,4	2,4	3,6
Квалифицированные рабочие	1,6	3,1	2,5	3,6
Неквалифицированные рабочие	1,4	3,0	2,4	3,4
По выборке в целом	1,7	3,2	2,5	3,7
Уровень доверия к судам				
Служебный класс	2,1	4,0	3,9	5,8
Промежуточный класс	1,8	4,2	3,7	5,4
Мелкая буржуазия	2,0	4,3	3,8	5,1
Квалифицированные рабочие	1,8	4,0	3,6	5,1
Неквалифицированные рабочие	1,7	3,8	3,5	4,9
По выборке в целом	1,9	4,0	3,7	5,4
Уровень доверия к парламенту				
Служебный класс	2,1	4,0	3,3	5,1
Промежуточный класс	1,4	3,9	3,1	4,7
Мелкая буржуазия	1,7	3,8	3,0	4,7
Квалифицированные рабочие	1,4	3,8	3,0	4,5
Неквалифицированные рабочие	1,5	3,6	2,8	4,3
По выборке в целом	1,7	3,8	3,1	4,8
Уровень доверия к политикам				
Служебный класс	1,9	3,4	2,5	4,0
Промежуточный класс	1,2	3,5	2,6	3,7
Мелкая буржуазия	1,3	3,5	2,3	3,6
Квалифицированные рабочие	1,4	3,1	2,5	3,6
Неквалифицированные рабочие	1,4	3,0	2,4	3,4
По выборке в целом	1,5	3,2	2,5	3,7
Уровень доверия к милиции				
Служебный класс	2,5	3,7	4,8	6,7
Промежуточный класс	2,0	3,7	4,6	6,4
Мелкая буржуазия	2,4	3,7	5,0	6,4
Квалифицированные рабочие	2,2	3,7	4,6	6,2
Неквалифицированные рабочие	2,1	3,6	4,6	6,1
По выборке в целом	2,5	3,7	4,7	6,4
Количество респондентов	1590	1978	6126	22946

Источник: аналогичный табл. 9

* Одиннадцатибальная шкала, где 0 баллов означает “совершенно не доверяю”, а 10 – “полностью доверяю”.

В сравнительной перспективе уровень доверия к различным социальным институтам в 2008 году в западных странах значительно выше, чем в постсоциалистических, включая Украину и Россию (см. табл. 16). Причем Украина отличается самым низким уровнем доверия в постсоциалистическом пространстве. Обратим внимание, что представители служебного класса в Украине наиболее позитивно настроены ко всем институтам.

Сравнение уровня и характера забастовочного движения в разных странах

Рассмотрим **уровень забастовочного движения** в Украине на фоне других стран. Для сравнения привлечены страны, соответствующие данные которых доступны на сайте Международной организации труда (см. табл. 17)¹. Сведения о забастовочной активности международные статистики предоставляют по большинству западных стран с 1971 года, который и взят автором статьи как точка отсчета. Очевидно, что в длительной 40-летней перспективе в экономически развитых обществах отчетливо фиксируется снижение числа забастовок. Соответствующие данные по постсоциалистическим странам представлены, начиная с 1989 года. Среди бывших республик СССР богатую постперестроечную историю забастовок имеют только Украина и Россия. В Белоруссии и Молдове сведения имеются только с 1989 по 1994 год (до 50 забастовок); в прибалтийских республиках — лишь 2000-х годов (в среднем до 10 забастовок); в Казахстане, Армении и Азербайджане — за 1989 и 1990 годы. Данные остальных республик отсутствуют — либо сведений в МОТ они не предоставляли, либо забастовок не было. Среди стран бывшего СЭВ наивысший уровень забастовок фиксировался в Польше; в остальных странах представлены данные с 1991 по 1995 год, и они свидетельствуют, что уровень забастовок был минимальным (в Чешской Республике в среднем 2–3, в Венгрии — 3–5, в Румынии 27–30, в Словакии — 6–21; поэтому эти страны не включены в таблицу).

Очевидно, что во всех сравниваемых странах уровень забастовочного движения волнообразный — наблюдаются подъемы и спады. Эксперты считают, что подъемы часто бывают следствием экономических реформ (пример Украины, России, Южной Кореи), следствием ситуации, когда еще не выработаны эффективные институционализированные формы урегулирования трудовых конфликтов, соответствующие изменившимся экономическим и политическим условиям; а вот выработка этих новых форм ведет к спаду забастовочного движения (что и демонстрируют приведенные выше данные). Иногда подъемы уровня забастовок — признак сильных профсоюзов, всегда находящихся на страже интересов своих членов и мобилизующих их по мере обострения проблем. Очевидно, что в ряде стран (скандинавские страны, Италия, Великобритания, Греция) традиционно сильное рабочее движение, а в других (например, США) — слабое [Fantasia, 2008].

¹ Используются данные о численности забастовок, хотя более показательными считают сведения о количестве участников и среднем числе забастовочных дней, однако эти данные представлены далеко не во всех странах.

Таблица 17

Динамика количества забастовок в разных странах (1971–2008)*

Год	Украина	Россия	Польша	Италия	Испания	Португалия	Франция	Велико-Британия	Финляндия	Норвегия	Швеция	Канада	США	Япония	Южная Корея	Индия	Австралия
1971	–	–	–	5598	549	–	4718	2228	838	10	60	569	–	2527	10	2752	2404
1972	–	–	–	4756	710	–	3464	2497	849	9	44	598	–	2497	–	3243	2298
1973	–	–	–	3769	731	–	3731	2873	1010	12	48	724	–	3326	–	3370	2538
1974	–	–	–	5174	2009	–	3381	2922	1795	13	85	1218	425	5211	58	2938	2809
1975	–	–	–	3601	2807	–	3888	2282	1530	22	86	1171	235	3391	52	1943	2432
1976	–	–	–	2706	3662	–	4348	2016	3199	34	73	1039	231	2720	49	1459	2055
1977	–	–	–	3308	1194	332	3281	2703	1633	15	35	803	298	1712	58	3117	2090
1978	–	–	–	2479	1128	333	3195	2471	1207	14	99	1058	219	1517	102	3187	2277
1979	–	–	–	2000	2680	370	3121	2080	1715	10	207	1050	235	1153	105	3048	2042
1980	–	–	–	2238	2103	269	2118	1330	2182	35	212	1028	187	1133	206	2856	2429
1981	–	–	–	2204	1993	602	2405	1338	1591	17	68	1048	145	955	186	2589	2915
1982	–	–	–	1747	1810	528	3113	1528	1212	12	46	677	96	944	88	2483	2060
1983	–	–	–	1565	1451	500	2837	1352	1919	9	92	645	81	893	98	2488	1787
1984	–	–	–	1816	1498	525	2537	1206	1679	21	206	716	62	596	114	2094	1965
1985	–	–	–	1341	1092	476	1901	903	833	11	160	829	54	627	265	1755	1895
1986	–	–	–	1469	914	365	1391	1078	1236	16	75	748	69	620	276	1892	1754
1987	–	–	–	1149	1497	213	1391	1016	791	10	72	668	46	474	3749	1799	1517
1988	–	–	–	1769	1193	181	1852	781	1327	15	144	548	40	498	1873	1743	1508
1989	222	–	894	1297	1047	307	2040	701	606	14	139	627	51	362	1616	1786	1402

Год	Украина	Россия	Польша	Италия	Испания	Португалия	Франция	Велико-Британия	Финляндия	Норвегия	Швеция	Канада	США	Япония	Южная Корея	Индия	Австралия
1990	260	260	250	1094	1312	271	1750	630	450	15	126	579	44	284	322	1825	1193
1991	239	1755	305	791	1645	262	1572	369	270	4	23	463	40	310	234	1810	1036
1992	2239	6273	6351	903	1360	409	1494	253	165	16	20	404	35	263	235	1714	728
1993	462	265	7443	1054	1209	230	1472	211	125	12	33	381	35	252	144	1293	612
1994	1638	514	429	861	908	300	1671	205	171	20	13	374	45	230	121	1201	560
1995	247	8856	42	545	883	282	2066	235	112	11	36	328	31	209	88	1066	643
1996	1269	8278	21	904	830	274	1439	244	94	18	9	330	37	193	85	1166	543
1997	1162	17007	35	920	774	265	1607	216	91	6	14	284	29	178	87	1305	447
1998	687	11162	37	1103	632	227	1475	166	98	36	13	379	34	145	129	1097	520
1999	290	7285	920	753	749	200	2319	205	65	15	10	413	17	154	198	927	731
2000	73	817	44	966	750	250	2748	226	96	29	2	378	39	118	250	656	700
2001	31	291	11	746	737	208	2131	207	84	3	20	381	29	90	239	674	673
2002	97	80	1	616	688	250	1179	162	76	16	10	294	19	74	322	579	767
2003	15	67	24	710	678	170	1066	138	112	5	11	266	14	47	320	552	643
2004	4	5933	2	745	708	122	1125	135	84	12	9	297	17	51	462	447	692
2005	4	2575	8	654	685	126	-	116	365	2	14	260	22	50	287	456	472
2006	13	6	27	587	783	155	-	158	97	12	9	151	23	46	138	430	202
2007	5	7	1736	667	752	99	-	152	91	4	14	206	23	54	115	389	135
2008	1	4	12765	621	811	-	-	144	92	10	5	187	16	52	108	423	177

* Источник: Международную статистику о динамике забастовок и описание методологии см. на сайте ILO: [http://laborsta.ilo.org/app/v8/data/c9e.html].

Помимо уровня забастовочного движения стоит еще сравнить его качественные характеристики: мотивацию и лозунги участников, состояние классовой солидарности.

Анализируя **характер выдвигаемых лозунгов**, исследователи рабочего движения констатируют, что во время забастовок в Украине и России все профессиональные группы наемных работников выступали главным образом с лозунгами экономического содержания — предоставление гарантий занятости, повышение заработной платы, ее своевременная выплата и выплата задолженностей, улучшение жилищных условий, устранение дефицита основных продуктов питания [Панькова, 2006; Максимов, 2008]. Как показано выше, затухание забастовочного движения в конце 1990-х годов напрямую связано с урегулированием в этот период выплат заработной платы и проблем вынужденной неполной занятости, оживлением производства, преодолением дефицита товаров и услуг¹. Если в начале XX века многие забастовки и рабочее движение в целом отличались политизацией [Соболев, 2009: с. 168], то в течение последних десятилетий рабочие и люди среднего класса редко выдвигали политические требования, связанные, например, с призывами возврата к социализму, борьбы с эксплуатацией, с возрастающей социальной и экономической поляризацией общества, и не предлагали (через свои партии и общественные объединения) социальную альтернативу. Хотя на пике протестов рабочие озвучивали (правда, часто с подсказки заинтересованных лиц из состава менеджеров предприятий, стремящихся в своих целях использовать рабочие выступления) политические и макроэкономические лозунги, например требования смены правительства, демонтажа командной экономики, самостоятельности предприятий, права распоряжаться определенным процентом экспортной выручки, отмены 6-й статьи Конституции, дававшей КПСС монополию на власть, свободных выборов на все официальные посты, права создавать независимые профсоюзы и партии, признания забастовочных комитетов [Русначенко, 1995; Панькова, 2006; Максимов, 2008; Буравой, 2009: с. 53]². Работники же экономически развитых стран в последние десятилетия активно протестуют против попыток увеличения пенсионного возраста, уменьшения количества праздничных дней, сокращения занятых из-за переноса производства в страны третьего мира, за повышение заработной платы [Baer, 1975; Jackson, 1981; Brandl, 2009]. В то же время их отличает удовлетворенность в целом достигнутым уровнем жизни и условиями работы, что лишает их стремления радикально изменить общественные отношения. Это борьба исключительно в рамках существующего строя без каких-либо революционных настроений насчет его переустройства. Социологи констатируют, что классовая борьба превратилась в борьбу за увеличение уровня благосостояния в обмен на классовый мир.

1 Интересные данные о структуре мотивации протестного поведения работников промышленных предприятий см.: [Панькова, 2003; Максимов, 2008].

2 Протестное движение мелкой буржуазии в ноябре 2011 года оказало значительное влияние на политику правительства (внесение изменений в налоговое законодательство), инициировало процесс образования профсоюзов, привело к осознанию необходимости создания политической партии на базе тех лидеров, которые хорошо зарекомендовали себя во время “предпринимательского майдана”.

Изучая рабочее движение, традиционно анализируют **уровень классовой солидарности** и определяют влияющие на него факторы [Солидаризация, 1998; Fantasia, 1988]. В качестве элементов солидарности членов одного класса называют взаимопомощь и поддержку, основывающиеся на общности интересов, убеждений и целей; солидарность членов разных классов выражается в активном сочувствии и поддержке взаимных мнений или действий. Результаты исследований свидетельствуют, что солидарность работников зависит от их участия и стабильности членства в профсоюзах и прочих объединениях, а также от характеристик самой работы (например, чем выше уровень автономии работы, тем ниже уровень солидарности). Анализируя последние десятилетия, исследователи отмечают отсутствие классовой солидарности среди наемных работников разных профессиональных групп, отраслей и уровней квалификации [Клеман, 2003: с. 68, 71]. Так, забастовки шахтеров, как правило, не получали поддержки среди рабочих соседних промышленных предприятий; протестные инициативы работников образования не находили отклика среди наемных работников других отраслей (например, финансовой сферы или здравоохранения). Протестные выступления предпринимателей в ноябре 2010 года не вызвали конкретной поддержки среди представителей наемных работников и их профсоюзных организаций. Эксперты отмечают, что для организованного проявления трудовой солидарности нужна инициатива профсоюзов, а профсоюзное движение в Украине не является единым: даже будучи объединенными федерацией или ассоциацией, отраслевые и территориальные профсоюзы крайне редко демонстрируют солидарность. Впрочем, и мировой опыт показал, что единство пролетарских интересов — это миф; согласовать групповые интересы сложно [Леш, 2003]. Отраслевые профсоюзы и в западных странах, как правило, равнодушны к проблемам друг друга — следствием чего и есть отсутствие акций солидарности. Общей тенденцией является увеличение доли узкокорпоративных профсоюзов, деятельность которых замыкается на интересах своего предприятия/организации.

Выводы

История трансформации социалистических отношений и одновременного становления капиталистических, делящаяся в Украине с конца 1980-х годов, тесно связана с историей рабочего движения, в процессе которого новые социальные классы, соответствующие капиталистическому укладу, обретали опыт мобилизации и, соответственно, черты “классов для себя”. Приведенные выше данные свидетельствуют, что за два последних десятилетия это движение, во-первых, прошло путь от стихийных форм ко все более институционализированным (урегулирование законодательства относительно решения трудовых конфликтов, создание совета по согласию и примирению, приобретение профсоюзами опыта реальной защиты прав работников); во-вторых, изменился его характер — от исключительно экономических форм борьбы к зачаткам более зрелых форм политической борьбы; в-третьих, оно было неравномерным — налицо подъемы и спады.

Динамика забастовочного движения в 2000-е носит ярко выраженный нисходящий характер, вплоть до почти полного затухания. Причины демобилизации классового действия пока никем из исследователей исчерпыва-

юще не объяснены. Наиболее очевидное объяснение этого процесса состоит в снятии острых экономических проблем (связанных с вынужденной неполной занятостью, безработицей, несвоевременной выплатой заработной платы, тотальным дефицитом материальных благ), которые стимулировали забастовки в 1990-е. Менее очевидное объяснение (требующее дальнейшей проверки) состоит в эффектах коллективной организации противостоящих классов. С одной стороны, спад забастовок может быть результатом трансформации рабочего движения из форм преимущественно прямой мобилизации коллективного действия к институционализированным формам социального партнерства работников, работодателей и государства. Следует тогда признать, что профсоюзы, которые к началу 2000-х годов успешно перестроили свою идеологию и структуру, участвовали в обновлении законодательной базы решения трудовых споров, учились конструктивному диалогу с властью и работодателями, постепенно превратились в реально независимые структуры западного типа, умело ведущие теперь торг с работодателями о лучших условиях продажи рабочей силы и умеющие конструктивно разрешать трудовые конфликты без доведения их до забастовки как крайней меры. В таком случае “рабочее движение” в Украине постепенно становится синонимом “профсоюзного движения”. С другой стороны, затухание забастовочной активности можно интерпретировать как следствие “встречного движения” доминирующих классов, конечно, не в форме открытого подавления выступлений, а через лоббирование законодательных инициатив (например, относительно порядка проведения забастовок), усиливающих бюрократические ограничения для прямой мобилизации работников через принуждение их к диалогу и согласию. Необходимы дальнейшие исследования, чтобы понять: отсутствие забастовок — это отражение того факта, что профсоюзы стали влиятельными, независимыми и эффективными субъектами социальной защиты, или признак победы политики работодателей, навязавших выгодные им правила игры в решении трудовых споров?

Подтвердилась гипотеза, что рабочий класс, первым в конце 1980-х — начале 1990-х получивший мобилизационный опыт в решении трудовых конфликтов, тем не менее, не являлся исключительным лидером протестного движения в течение последних двадцати лет. Результаты исследования свидетельствуют, что все эмпирически доступные социальные классы (средний класс, мелкая буржуазия, рабочий класс) почти в равной мере участвовали в забастовках. В таком случае вполне логично и оправданно на современном этапе *под термином “рабочее движение” понимать движение в защиту своих прав в Украине разных групп наемных работников и мелкой буржуазии, а не только рабочих.*

Перечислю аргументы в пользу вывода о том, что все классы имели подобные (или принципиально не отличающиеся) причины для протестов. *Количественно* рабочий класс сократился за годы независимости Украины вдвое, однако и средний класс не имел выразительных позитивных тенденций в укреплении своих позиций в структуре занятости. *Качественный состав* рабочих (подобно средним классам) стал исключительно неоднороден: в нем появились секторы занятых на постоянной основе и по контракту, работников государственных и частных предприятий, малых и крупных, полностью и неполностью занятых, работающих официально и неофици-

ально и т.п. Вполне оправдывается вывод западных социологов, что чем менее однороден рабочий класс, тем меньше вероятность того, что его представители будут иметь общее сознание или действовать сообща. *Материальное благополучие* рабочих принципиально не отличается от представителей среднего класса (уступая, правда, мелкой буржуазии) — и объективно, и по самооценкам материального статуса. Общеизвестно, что экономическое положение, в конечном счете, и предопределяет классовое сознание и поведение. Опыт послевоенных десятилетий свидетельствует, что чем выше уровень жизни населения, тем в большей степени оно склонно ассимилировать буржуазные ценности западной цивилизации и в меньшей — ценности социализма. *Проблемы гарантий занятости и безработицы* коснулись всех классов в подобной мере. В *социально-экономических установках* рабочих и других классов также нет принципиальных различий, все они имеют крайне высокий уровень восприятия неравенства в доходах, в высшей степени критично настроены в отношении способности государства обеспечить справедливость в оплате труда и перераспределении доходов. *Политические и электоральные симпатии, склонность к коллективным действиям* среди рабочих и представителей других классов отличаются незначительно. Уровень объединения в общественно-политические организации одинаково низок среди всех классов: в 2010 году не более 3% являлись членами политической партии и 20% — профсоюза. Уровень доверия к ним не превышает 15%, что свидетельствует о том, что партия и профсоюз не являются в настоящем теми организационными формами, которые позволяют рабочим и среднему классу эффективно защищать их политические и экономические интересы. Скорее, фиксируется тенденция к индивидуализации: они все более склонны решать свои проблемы собственными силами (через заключение индивидуальных договоров, обращение в суды, переговоры с линейным руководством), а не через какие-либо формы коллективного объединения.

Итак, не рабочие являются в Украине начала XXI века авангардом общественных изменений и рабочего движения, но это и не средний класс (хотя уровень и характеристики их общественной активности несколько выше, чем у рабочих). Сегодня наблюдается скорее паритет сил (ресурсов и потенциала) рабочих и среднего класса. Очевидно, стоит говорить об адапционном ресурсе этих классов [Заславская, 2001; Максимов, 2008], но никак не модернизационном. При оценке результатов их активности в течение последних двадцати лет они видятся не субъектами истории, революционными классами, стремящимися к изменению социального строя в свою пользу, а чаще объектами манипулирования со стороны доминирующих классов (что подтверждает история забастовочного движения). Представители классов и их организации показали, что они умеют защищать свои интересы и права, но их опыт коллективного действия имеет, на мой взгляд, ряд недостатков. Так, поводом к их выступлениям были пока разные аспекты борьбы за выживание и права на труд, а не требования кардинального улучшения качества жизни, условий и оплаты труда. Выступления работников направлены преимущественно на решение конкретной проблемной ситуации, а не на систематическое, пролонгированное оспаривание доминирующих отношений власти в украинском обществе в свою пользу. Они не склонны к классовой солидарности — случаи поддержки бастующих другой отрасли,

соседнего завода малочисленны. Все перечисленные доводы дают основание присоединиться к выводу ряда исследователей, что рабочее движение “не дотягивает сегодня до уровня социально-политической силы, способной повлиять на ход крупных общественных преобразований” [Воейков, 2004: с. 25].

На базе имеющихся данных невозможно предугадать, чего же следует ожидать от рабочего движения в Украине в ближайшей перспективе. Изложу принципиально различные сценарии развития событий в современной экономической и общественной ситуации. Согласно *первому сценарию*, рабочее движение будет активизироваться, приобретая при этом все более институционализированные формы. Классовые интересы различных групп найдут адекватные политические формулировки (путем выработки классами соответствующей современному этапу идеологии, выдвижения новых лидеров и создания эффективных и пользующихся доверием политических партий и профсоюзов). В этом случае в будущем ожидается новый этап превращения отдельных классов и их организаций в субъектов (а не безмолвных объектов, как сегодня) проводимых изменений, в “классы для себя”. *Второй сценарий* предполагает, что новой волны консолидации отдельных классов в близком будущем не предвидится. Они будут распадаться на профессиональные группы, а их классовый интерес соответственно превращаться в профессионально дифференцированный, приводя к размыванию активности и окончательному растворению солидарности. Будет происходить дальнейшее стирание различий между классами в сфере материальных и культурных практик, индивидуализация в вопросах решения трудовых конфликтов, потеря классовой самоидентичности. Ни одна партия так и не будет претендовать на роль выразителя интересов того или иного класса; профсоюзы так и не смогут обрести статус умелого и независимого от работодателя координатора интересов работников. Согласно этому сценарию, в названных классах не видят даже потенциала ведущей общественной силы и не ожидают от них социальных инициатив в будущем. Для разделяющих этот сценарий классы действительно умерли (или даже не родились).

Чтобы отслеживать судьбу рабочего движения и классов как социальных акторов через предложенные альтернативные сценарии, стоит периодически мониторить во временной и сравнительной перспективе такие важные аспекты классового действия, как уровень, характер и результаты забастовочного движения и динамика влияющих на него факторов; степень членства в профсоюзах и партиях и уровень доверия к этим организациям. Для уверенных выводов о формировании в независимой Украине социальных классов нужны скрупулезнейшие ответы на вопросы о специфике классового сознания и классового поведения.

Источники

Аберкромби Н. Социологический словарь / Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Б. — Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1997.

Алексеева Л.М. Инакомыслие в СССР — опыт статистического анализа / Л.М. Алексеева // СССР: Внутренние противоречия / Под ред. В. Чалидзе. — Н.Й. : Chalidze Publications, 1983. — Вып. 8. — С. 5–61.

Бауман З. Индивидуализированное общество / З. Бауман; пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. — М. : Логос, 2002. — 390 с.

Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / У. Бек; пер. с нем. В. Седельника, Я. Федоровой. — М. : Прогресс-Традиция, 2000. — 384 с.

Бизюков П. Динамика трудовых протестов в России / П. Бизюков // Вестник общественного мнения (2008–2011). — 2011. — № 2 (108). — С. 29–38.

Борисов В. Забастовки в угольной промышленности (анализ шахтерского движения за 1989–99 гг.) / В. Борисов. — М. : ИСИТО, 2001. — 416 с.

Буравой М. Жить в капитализме, путешествовать через капитализм / М. Буравой // Общественные движения в России: точки роста, камни преткновения / Под ред. П. Романова, Е. Ярской-Смирновой. — М. : ЦСПГИ, 2009. — С. 28–58.

Бурдые П. Социальное пространство и генезис “классов” / П. Бурдые // Социология политики. — М. : Социо-Логос, 1993. — С. 53–97.

Ван Атта Д.А. Українське село на зламі століть: соціологічний та антропологічний зріз / Ван Атта Д.А., Гончарук О., Перротта Л. — К. : Скарби, 2001. — 164 с.

Вишневський Ю. Роль профспілок в Україні удавана і справжня / Ю. Вишневський, О. Міщенко, Є. Півнев; за ред. Ю. Вишневського. Т.1. — К. : Фонд демократії, 2000. — 320 с.

Воейков М.И. Рабочий вопрос в России: начало и конец XX века / М.И. Воейков // Рабочие в России: исторический опыт и современное положение / Под ред. Д.О. Чуракова. — М. : Едиториал УРСС, 2004. — С. 23–37.

Гордон Л.А. Рабочий класс СССР: Тенденции и перспективы социально-экономического развития / Л.А. Гордон, А.К. Назимова. — М. : Наука, 1985. — 221 с.

Гуляев В. Реструктуризация угольной отрасли и уровень социальной напряженности в шахтерских регионах / В. Гуляев // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2003. — № 3. — С. 93–106.

Дарендорф Р. Элементы теории социального конфликта / Р. Дарендорф // Социологические исследования. — 1994. — № 5. — С. 142–147.

Дубровский И.М. Современное профсоюзное движение Украины: задачи и возможности / И.М. Дубровский, М.Л. Дубровский. — Х. : б.и., 2009. — 236 с.

Жуков В.І. Наймані працівники та їх професійні спілки як суб'єкти соціального партнерства / В.І. Жуков // Вісник Академії праці і соціальних відносин. — 2000. — № 3. — С.83–91.

Забастовки 1989–1993 гг. в России (социологический аспект) / под ред. А.К. Зайцева. — Калуга : КаИС, 1996. — 119 с.

Забастовки в СССР (послесталинский период) // СССР: внутренние противоречия / под ред. В. Чалидзе. — Нью-Йорк : Chalidze press, 1975.

Заславская Т.И. Социоструктурный аспект трансформации российского общества / Т.И. Заславская // Социологические исследования. — 2001. — № 8. — С. 3–11.

Зоткин А.А. “Львы” и “лисы” украинской политики / А.А. Зоткин. — К. : Наук. думка, 2010. — 341 с.

Ильин В.И. Власть и уголь: шахтерское движение Воркуты (1989–1998 годы) / В.И. Ильин. — Сыктывкар : Сыктывкар. ун-т, 1998. — 270 с.

Ионин Л. Свет и тени социальных движений / Л. Ионин // Свобода в СССР / Ионин Л. — СПб. : Фонд университет. книга, 1997. — С. 256–282.

Кабалина В.И. Изменение функций и статуса линейных руководителей / В.И. Кабалина // Социологические исследования. — 1998. — № 5. — С. 34–43.

Каневский П.С. Профсоюзы как элемент политической системы современной России / П.С. Каневский // Вестник Московского ун-та. — 2011. — № 2. — С. 152–168. — (Серия 18 : Социология и политология).

Кацва А.М. Протестное движение рабочего класса / А.М. Кацва // Социологические исследования. — 2008. — № 3. — С. 38–43.

Классовое общество: теория и эмпирические реалии / Под ред. С. Макеева. — К. : ИС НАНУ, 2003. — 257 с.

Клеман К. Неформальные практики российских рабочих / К. Клеман // Социологические исследования. — 2003. — № 5. — С. 62–71.

Коллинз Р. Традиция конфликта / Р. Коллинз // Коллинз Р. Четыре социологических традиции. — М.: Территория будущего, 2009. — С. 61–132.

Комуністична партія України // Українська радянська енциклопедія : в 12 т. — К.: Українська радянська енциклопедія, 1980. — Т. 5. — С. 339.

Кононов И.Ф. Кризис и самоорганизация. Шахтерские города и поселки Донбасса в период реструктуризации угольной промышленности: социальные и экологические измерения / Кононов И.Ф., Кононова Н.Б., Денщик В.Н. — Луганск: Альма матер, 2001. — 144 с.

Крутой пласт. Шахтерская жизнь на фоне реструктуризации отрасли и общероссийских перемен / под ред. Л. Гордона, Е. Клопова, И. Кожуховского. — М.: Комплекс-Прогресс, 1999. — 352 с.

Кузьміна С.В. Шахтарський страйковий рух України в 1989–1999 роках: дис. ... канд. истор. наук : 07.00.01 / Кузьміна Сніжана Вячеславівна. — Донецьк, 2006. — 285 с.

Куценко О. Сохраняют ли значение классовые основания политического участия? / О. Куценко // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2006. — № 3. — С. 92–115.

Куценко О. Классы в перспективе дилеммы “универсализм — индивидуализм” / О. Куценко // Украинское общество в европейском пространстве / под ред. Е. Головахи, С. Макеева. — К.: ИС НАНУ, 2007. — С. 132–155.

Лейн Д. Трансформация государственного социализма: системные изменения или классовая революция? / Д. Лейн // Посткоммунистические трансформации: векторы, измерения, содержание / под ред. О. Куценко. — Х.: Изд-во ХДУ, 2004. — С. 83–107.

Макеев С. Классовые конфигурации и особенности социально-политических установок / С. Макеев, С. Стукало // Украинское общество в европейском пространстве / под ред. Е. Головахи, С. Макеева. — К.: ИС НАНУ, 2007. — С. 105–131.

Максимов Б.И. Рабочие как акторы процесса трансформаций / Б.И. Максимов // Социологические исследования. — 2008. — № 3. — С. 29–34.

Маркс К. Манифест коммунистической партии / К. Маркс, Ф. Энгельс // Сочинения. — 2-е изд. — М.: Гос. изд-во полит. литературы, 1955. — Т. 4. — С. 419–459.

Нариси історії професійних спілок України / гол. ред. О.М. Стоян; кер. авт. кол. О.П. Реєнт. — К.: Федерація профспілок України, 2002. — 732 с.

Олсон М. Логіка колективної дії: суспільні блага і теорія груп / Олсон М.; пер. з англ., післямова С.В. Слухай. — К.: Лібра, 2004. — 271 с.

Панькова О. Мотивация протестного поведения работников промышленных предприятий Донецкой области / О. Панькова // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2003. — № 3. — С. 107–120.

Панькова О. Забастовочное движение в Украине: тенденции и особенности / О. Панькова, К. Иващенко // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2006. — № 3. — С. 236–248.

Протести, перемоги і репресії в Україні: результати моніторингу, жовтень 2009 – вересень 2010. — К.: Центр дослідження суспільства, 2011. — 64 с.

Рабочее движение в современной России: становление, современные проблемы, перспективы. — М.: ИМЭиМО РАН, 1995. — 150 с.

Рабочий и инженер / под ред. О.И. Шкаратан. — М.: Мысль, 1985. — 271 с.

Русначенко А.М. Приспала сила. Робітники, робітничий рух і незалежні профспілки в Україні від кінця сорокових до початку дев'яностих років / А.М. Русначенко. — К.: KM Academia, 2000. — 104 с.

Русначенко А.М. Пробудження. Робітничий рух на Україні в 1989–1993 роках / Русначенко А.М. — К.: KM Academia, 1995. — 230 с.

Симончук Е.В. Вынужденная профессиональная мобильность / Е.В. Симончук // Подвижность структуры: Современные процессы социальной мобильности. — К. : ИС НАНУ, 1999. — С. 174–191.

Симончук Е.В. Средний класс: люди и статусы / Е. Симончук. — К. : ИС НАН Украины, 2003. — 464 с.

Симончук О.В. Соціальні рухи як механізм створення нових соціальних інститутів / О.В. Симончук // Проблеми розвитку соціологічної теорії. Соціальні процеси в Україні. — К. : ИС НАНУ, 2004. — С. 505–510.

Симончук Е. Рабочий класс в Украине: хроника потерь / Е. Симончук // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2005. — № 4. — С. 5–25.

Симончук Е. Рабочий класс в Украине: тренды рекомпозиции структуры / Е. Симончук // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2006. — № 2. — С. 38–65.

Симончук О. Взаємозв'язок професії і соціально-статусних характеристик / О. Симончук // Українське суспільство 1994–2009. Соціологічний моніторинг / за ред. В. Ворони, М. Шульги. — К. : ИС НАНУ, 2009. — С. 48–59.

Симончук Е. Классовое сознание: опыт сравнительного эмпирического изучения / Е. Симончук // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2010. — № 4. — С. 56–84.

Симончук О. Динаміка соціально-класової структури у пострадянській Україні / О. Симончук // Українське суспільство 1992–2011. Соціологічний моніторинг / за ред. В. Ворони, М. Шульги. — К. : ИС НАНУ, 2011. — С. 50–62.

Соболев Э.Н. Профсоюзы в системе регулирования социально-трудовых отношений / Э.Н. Соболев // Социальное измерение экономических процессов / под ред. Ю.Г. Павленко, И.С. Соболевой. — М. : Книжный мир, 2009. — С. 160–176.

Солидаризация в рабочей среде: социальное и индивидуальное / под ред. В. Ядова. — М. : ИС РАН, 1998. — 231 с.

Сучасний стан, проблеми та тенденції соціально-трудомих відносин в Україні: спроба соціального конструювання / Відп. ред. Ю.І. Саєнко, Ю.О. Привалов. — К. : ВД “Стилос”, 2003. — 361 с.

Труд в СССР : стат. сборник. — М. : Финансы и статистика, 1988. — 302 с.

Цвях В.Ф. Профспілки у громадянському суспільстві: теорія, методологія, практика / В.Ф. Цвях. — К. : ВПЦ “Київський університет”, 2002. — 376 с.

Baer W. Strikes: A Study of Conflict and How to Resolve It / Baer W. — N.Y. : AMACOM, 1975.

Brandl B. Labour Conflicts: A Cross-Sectional Analysis of Economic and Institutional Determinants, 1971–2002 / B. Brandl, F. Traxler // European Social Research. — 2009. — №26 (5). — P. 519–540.

Esping Andersen G. Trends in Contemporary Class Structuration: A Six-nation Comparison / G. Esping Andersen, Z. Assimakopoulou, K. Kersbergen // Changing Classes: Stratification and Mobility in Post-Industrial Societies / G. Esping Andersen (ed.). — L. : Sage Publications, 1993. — P. 32–57.

Fantasia R. Cultures of Solidarity / Fantasia R. — Berkeley : University of California Press, 1988.

Fantasia R. The Myth of the Labor Movement / R. Fantasia // The Blackwell Companion to Sociology / J.R. Blau (ed.). — Oxford : Blackwell, 2001.

Fantasia R. The Labor Movement in Motion / R. Fantasia, J. Stepan-Norris // The Blackwell Companion to Social Movements / D.A. Snow, S.A. Soule, H. Kriesi (eds.). — Oxford : Blackwell Publishing Ltd, 2008. — P. 555–575.

Jackson G.E. When Labor Trouble Strikes: An Action Handbook / Jackson G.E. — Englewood Cliffs : Prentice-Hall, 1981.

Gorz A. Farewell to the Working Class: An Essay on Post-Industrial Socialism / Gorz A. — L. : Syndey, 1982.

Griffin L. Capitalist Resistance to the Organization of Labor before the New Deal: Why? How? Success? / L. Griffin, B. Rubin, M. Wallace // *American Sociological Review*. — 1986. — № 5. — P. 147–167.

Krupat K. From War Zone to Free Trade Zone: A History of the National Labor Committee / K. Krupat // *No Sweat: Fashion Free Trade and the Rights of Garment Workers* / A. Ross (ed.). — N.Y.: Verso, 1997. — P. 51–78.

Lenski G.E. Power and Privilege. A Theory of Social Stratification / Lenski G.E. — N.Y.: McGraw-Hill Book Company, 1966. — 495 p.

Meyer D. Movements, Countermovements, and Structure of Political Opportunity / D. Meyer, S. Staggenborg // *The American Journal of Sociology*. — 1996. — № 101. — P. 1628–1660.

Nieuwebeerta P. The Democratic Class Struggle in Postwar Societies: Traditional Class Voting in Twenty Countries, 1945–1990 / P. Nieuwebeerta // *The Breakdown of Class Politics. A Debate on Post-Industrial Stratification* / Eds. T.N. Clark, S.M. Lipset. — Washington (D.C.): Woodrow Wilson Center Press, 2001. — P. 121–135.

Rammstedt O. Soziale Bewegung / Rammstedt O. — Frankfurt am Main, 1979. — P. 141–168.

Siegelbaum L.H. Workers of the Donbass Speak: Survival and Identity in the New Ukraine / L.H. Siegelbaum, D.J. Walkowitz. — Albany, NY: State University of New York Press, 1995.

Smelser N. Theory of collective behavior / N. Smelser. — N.Y.: Free Press, 1963.

Social Movements: Identity, Culture, and the State / D.S. Meyer, N. Whittier, B. Robnett (eds.). — N.Y.: Oxford University Press, 2002.

Tarrow S. Power in Movements. Social Movements, Collective Action and Politics / Tarrow S. — Ithaca, N.Y., 1994.

Tilly C. From Mobilization to Revolution / Tilly C. — Reading (MA): Addison-Wesley, 1978.

Wright E.O. A General Framework for the Analysis of Class Structure / E.O. Wright // *Social Stratification. Class, Race and Gender in Sociological Perspective* / D.B. Grusky (ed.). — Westview Press, 1994. — P. 145–154.